

УНИВЕРСИТЕТ ВЪНШНА АНТРОПОЛОГИЧЕСКА ШКОЛА

Друзей медлительный уход ... Памяти Олега Шарова

*Под редакцией
М. М. Казанского и А. В. Мастыковой*

Библиотека

КИШИНЕВ
2022

*Каждого смертного
ждет кончина! —
пусть же, кто может,
вживе заслужит
вечную славу!
Ибо для воина
лучшая плата —
память достойная!*

«Беовульф»

902/904(092)(082)

Д 762

Печатается по решению Ученого совета
университета «Высшая антропологическая школа»

Редакция *Stratum plus* выражает благодарность Институту Археологии РАН
за поддержку издания сборника, посвященного памяти О.В. Шарова

Составители и ответственные редакторы:
доктор хабилитат археологии М. М. Казанский
доктор исторических наук А. В. Мастыкова

Редколлегия:
кандидат исторических наук А. В. Энговатова
доктор исторических наук И. Л. Тихонов
доктор истории М. Е. Ткачук
доктор истории Р. А. Рабинович
доктор истории Л. А. Мосионжник
доктор истории Д. А. Топал

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Друзей медлительный уход ... Памяти Олега Шарова = The footsteps of my friends leaving ... Ad memoriam Oleg Sharov / Ун-т Высшая антропологическая школа ; сост. и отв. ред.: М. М. Казанский, А. В. Мастыкова. – Кишинэу : Stratum Plus, 2022 (F.E.-P. "Tipografia Centrală") – 346 p. : fig., fot., tab. – (Библиотека "Stratum" = Library "Stratum", ISBN 978-9975-3198-0-5).

Cuprins, rez. paral.: lb. engl., rusă. – Referințe bibliogr. la sfârșitul art. – 100 ex.

ISBN 978-5-88554-151-0. – ISBN 978-5-88554-152-7 (PDF).

902/904(092)(082)

Д 762

Сборник научных работ посвящён памяти Олега Васильевича Шарова — известного археолога, специалиста по древностям римского времени юга Восточной Европы. В книгу включены воспоминания о О.В. Шарове, его неопубликованные работы, а также статьи коллег.

Тематика публикуемых материалов широка, но соответствует научным интересам О.В. Шарова. Это исследования по бронзовому и раннежелезному веку, античности и эпохе Великого переселения народов.

Редакторы выражают надежду, что книга будет интересна читателям, интересующимся древней историей: археологам, историкам, преподавателям вузов и школ, студентам и старшеклассникам.

ISBN 978-5-88554-151-0. – ISBN 978-5-88554-152-7 (PDF)

© М. М. Казанский, А. В. Мастыкова, 2022.

© Университет «Высшая антропологическая школа», "Stratum plus" P. P.

© Обложка: Д. А. Топал, 2022.

Редактор материалов на английском языке: Ю. Д. Тимотина

Технический координатор: Ж. Б. Кроитор

Оригинал-макет: Д. А. Топал, Л. А. Мосионжник

Редактор карт: Л. А. Мосионжник

Корректор: С. Н. Разумов

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

THE FOOTSTEPS OF MY FRIENDS LEAVING ... AD MEMORIAM OLEG SHAROV

*Edited by
Michel Kazanski and Anna Mastykova*

KISHINEV
2022

Памяти
Олега Васильевича Шарова
посвящается

In memory of Oleg Sharov

СОДЕРЖАНИЕ

М. Е. Ткачук (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Мой друг — Олег Шаров	11
А. В. Энговатова (<i>Москва, Россия</i>). О. В. Шаров в Институте археологии РАН	15

ПАМЯТЬ

Г. В. Шарова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Про Олега	19
Е. Ю. Гиря (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Черты к портрету археолога нашего времени	29
И. Л. Тихонов (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Полевые сезоны Олега Шарова . .	35
М. Ю. Афанасьев (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Осененные «Фарном»	45
Фотоальбом	49

НАСЛЕДИЕ

О. В. Шаров (†). Культовый комплекс Таракташ в восточном Крыму . . .	71
О. В. Шаров (†), Д. А. Костромичев (<i>Севастополь, Крым</i>), Н. Ю. Новоселова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Катакомба 23/1891 из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича: исследования 2020 года	87

HOMMAGE

А. В. Энговатова, Х. Х. Мустафин, И. Э. Альборова (<i>Москва, Россия</i>), А. А. Канапин, А. А. Самсонова (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), М. Б. Медникова (<i>Москва, Россия</i>). Новые данные по фатьяновской культуре: анализ древней ДНК в погребениях Волосово-Даниловского могильника	115
К. В. Чугунов (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Парадигма М. Б. Щукина и О. В. Шарова — опыт применения в хронологии комплексов раннескифского времени Тувы	129
Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко (<i>Краснодар, Россия</i>). Меотское погребение с «очковидными» псалиями	143
А. М. Обломский (<i>Москва, Россия</i>). Комплекс поселений позднескифской культуры у с. Стаево в верховьях р. Воронеж во II в. до н.э. — II в. н.э. . . .	153

А. И. Дробушевский (Санкт-Петербург, Россия). Зарубинецкая культура и бастарны	171
П. В. Шувалов (Санкт-Петербург, Россия). Будинского бобра за кельтскую гривну? К вопросу о предыстории пушного промысла и торговли в Восточной Европе	191
В. В. Приймак (Сумы, Украина). Погребения сарматского времени бассейнов верхней Сулы и верхнего Псла (начало I тыс. н. э.)	221
М. М. Казанский (Париж, Франция), А. В. Мастыкова (Москва, Россия). Эстии и германцы в римское время. О соотношении археологических культур и этнонимов письменных источников	235
Я. Е. Беспальчикова (Санкт-Петербург, Россия). Готский шаманизм как исследовательская проблема	247
М. В. Любичев (Харьков, Украина), Э. Шультце (Берлин, Германия). Групповые погребения на могильниках культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш . . .	253
Б. В. Магомедов (Киев, Украина). Гребни черняховской культуры: магическая функция	281
Э. Иштванович (Ньиредьхаза, Венгрия), В. Кульчар (Сегед, Венгрия), А. А. Стоянова (Симферополь, Крым). Фибулы в костюме населения сарматского времени предгорного Крыма и Альфёльда	295
А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова (Симферополь, Крым). Склеп 197 раннего горизонта могильника у с. Лучистое в Юго-Западном Крыму	323
Ж. Пинар Жиль (Градец-Кралове, Чехия). Служебные инсигнии, дипломатические подарки и предметы моды: на некоторых фибулах V века в Адриатико-Альпийском регионе (на англ. яз.).	335
Список сокращений	345

C O N T E N T S

M. E. Tkachuk (*Kishinev, Moldova*). **My Friend Oleg Sharov** 11

A. V. Engovatova (*Moscow, Russian Federation*). **O. V. Sharov in the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences** 15

M E M O R Y

G. V. Sharova (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **About Oleg** 19

E. Yu. Giryа (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **A few details to the portrait of a modern archaeologist** 29

I. L. Tikhonov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Field seasons of Oleg Sharov** 35

M. Yu. Afanasjew (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Overshadowed by “Farn”** 45

Album of Photos 49

H E R I T A G E

O. V. Sharov (†). **Hieratic Complex Taraktash in the Eastern Crimea** 71

O. V. Sharov (†), D. A. Kostromichyov (*Sevastopol, Crimea*), **N. Yu. Novoselova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **The Crypt 23/1891 from the Archaeological Excavations Led by K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich: new studies in 2020** . . . 87

H O M M A G E

A. V. Engovatova, Kh. Kh. Mustafin, I. E. Al’borova (*Moscow, Russian Federation*), **A. A. Kanapin, A. A. Samsonova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **M. B. Mednikova** (*Moscow, Russian Federation*). **New Data on the Fatyanovo Culture: Analysis of Ancient DNA in the Burials of the Volosovo-Danilovsky Burial Ground** 115

K. V. Chugunov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **The Paradigm of M. B. Schukin and O. V. Sharov — the Experience of Using It in the Chronology of Complexes of the Early Scythian Time in Tuva** 129

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko (*Krasnodar, Russian Federation*). **Maeotian Burial with the “Eye-glass”-shaped Cheek-pieces** 143

A. M. Oblomskiy (*Moscow, Russian Federation*). **The Complex of Settlements of the Late Scythian Culture near Village Staevo in the Upper Reaches of the Voronezh River in the 2nd Century BC — 2nd Century AD** 153

A. I. Drobushovski (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Zarubintsy Culture and Bastarnae	171
P. V. Shuvalov (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). One Boudini Beaver for a Celtic Grivna? On the Question of the Prehistory of Commercial Hunting and Fur Trade in Eastern Europe	191
V. V. Priymak (<i>Sumy, Ukraine</i>). Burials of the Sarmatian Time of the Upper Sula and Upper Psel Basins (Beginning of the 1st Millennium AD)	221
M. M. Kazanski (<i>Paris, France</i>), A. V. Mastykova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Aestii and Germans in Roman Period. On the Relationship of Archaeological Cultures and Ethnonyms from Written Sources	235
Ya. E. Bespalchikova (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Gothic Shamanism as a Scholarly Issue	247
M. V. Lyubichev (<i>Kharkiv, Ukraine</i>), E. Schultze (<i>Berlin, Germany</i>). Multiple Burials in the Cemeteries of the Chernyakhov-Sântana de Mureş Culture . .	253
B. V. Magomedov (<i>Kyiv, Ukraine</i>). Combs of the Chernyakhov Culture: Magical Function	281
E. Istvánovits (<i>Nyíregyháza, Hungary</i>), V Kulcsár (<i>Szeged, Hungary</i>), A. A. Stoianova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Brooches in the Costume of the Sarmatian Age Population in the Crimean Piedmont and the Great Hungarian Plain . .	295
A. I. Aibabin , E. A. Khairedinova (<i>Simferopol, Crimea</i>). Vault 197 beyond the Horizon of the Cemetery near the Village Luchistoe in the Southwest of the Crimea	323
J. Pinar Gil (<i>Hradec Králové, Czech Republic</i>). Office insignia, diplomatic gifts and fashion items: on some 5th century brooches in the Adriatic-Alpine area . .	335
Abbreviations	345

М. В. Любичев, Э. Шультце

Групповые погребения на могильниках культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш

Keywords: Late Roman Period, Chernyakhov/Sântana de Mureș Culture, cemeteries, multiple burials

Ключевые слова: позднеримское время, культура Черняхов/Сынтана-де-Муреш, могильники, групповые погребения

M. V. Lyubichev, E. Schultze

Multiple Burials in the Cemeteries of the Chernyakhov-Sântana de Mureș Culture

Funerary customs of the Chernyakhov culture are subject have been studied for more than 50 years. But until now, the graves including two or more deceased have never got particular attention. For the area of the Chernyakhov-Sântana de Mureș culture, 13 sites with double or multiple inhumation graves have been detected. Even on graveyards with large scale excavations, the number of multiple inhumations varies from one double/multiple burial to 15. In Târgșor cemetery, this number includes multiple cremation graves too. Therefore, these graves represent a rare phenomenon within the funerary customs of the Chernyakhov-Sântana de Mureș culture.

Concerning inhumation burials, there are no connections to special grave constructions, double burials have been found in simple pits, as well as in graves with horizontal shelf, niche or installation made of wood. The grave goods are typical for this culture. The combination of grave construction and inventory of double/multiple burials indicates that the deceased could belong to every social stratum. There is no evidence that the second or third person were buried as companion or even sacrifice for the first deceased. Depending on gender and age of the deceased, other reasons have to be taken into account for the multiple burials: either the presumably simultaneous death of two/three persons, or within a short time interval, for example due to an illness or epidemic disease.

М. В. Любичев, Э. Шультце

Групповые погребения на могильниках культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш

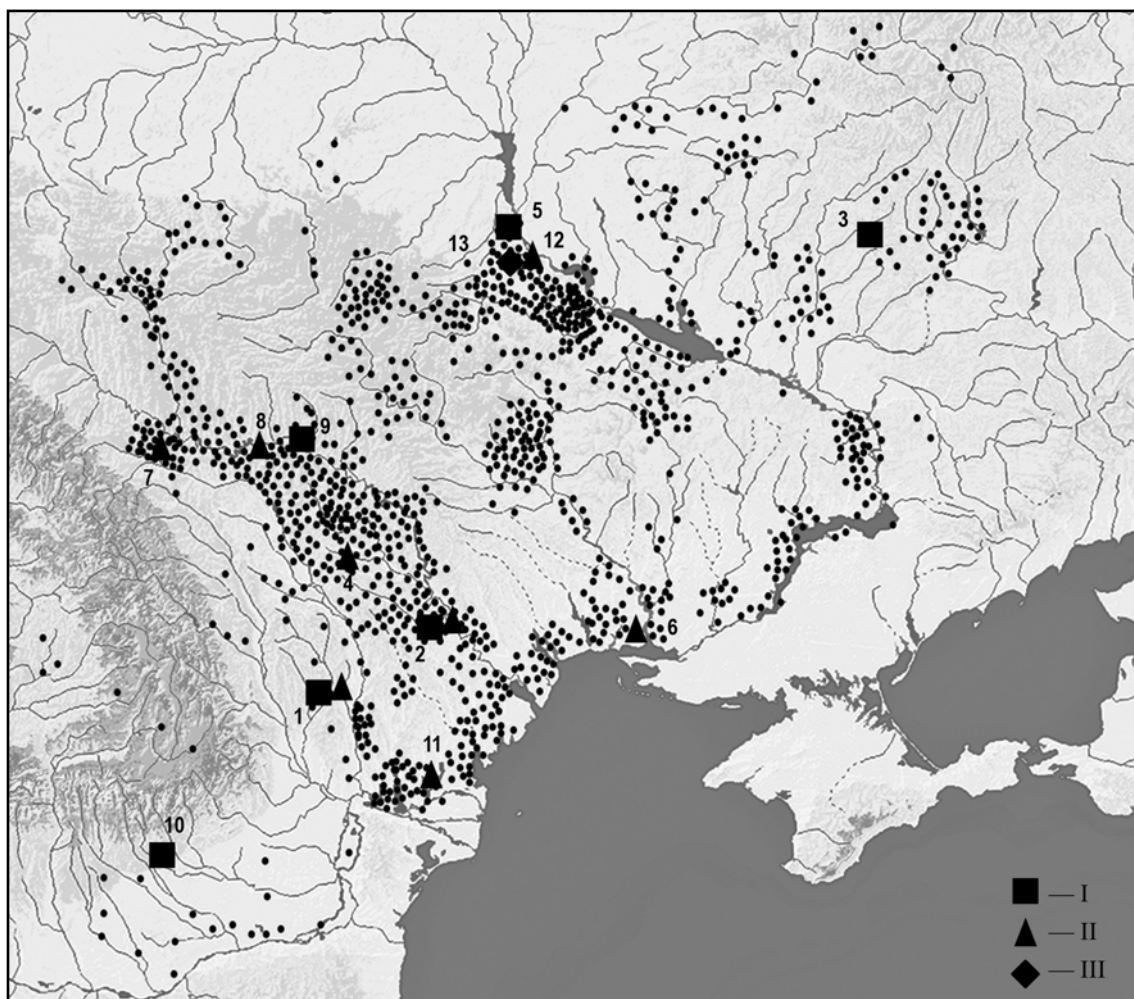
Погребальный обряд черняховской культуры является предметом изучения более 50 лет. Но до сих пор объектом внимания не стали могилы с двумя и более умершими. В ареале культуры Черняхов/Сынтана де Муреш такие погребения обнаружены на 13 могильниках. Даже на могильниках, исследованных большой площадью, количество групповых погребений варьирует от одного до 15. Но в это максимальное количество на могильнике Тыргшор включены также и групповые погребения-кремации. Поэтому такие комплексы являются довольно редким явлением в погребальной практике носителей культуры.

Групповые погребения-ингумации не связаны с определенным типом погребальных сооружений. Они совершены в сооружениях, типичных для могильников культуры: простых ямах, ямах с заплечиками, ямах с уступом, ямах с подбоем, а также в деревянных камерах. Погребальный инвентарь также характерен для носителей культуры. Сочетание конструкции погребального сооружения и состава инвентаря свидетельствует, что умерший мог принадлежать к любому социальному слою. Нет никаких свидетельств того, что второй или третий индивид был похоронен в качестве погребального инвентаря или даже жертвы для первого покойника. В зависимости от пола и возраста умершего необходимо рассматривать различные причины совершения коллективного захоронения: одновременную смерть двух/трех человек или же их кончину в короткий промежуток времени, например, вследствие болезни или эпидемии.

Погребальный обряд носителей культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш более полувека назад стал предметом отдельного изучения (Федоров 1958; Рикман 1964). Разработке подверглись классификация как погребений всех обрядовых групп с созданием базы данных (Сымонович, Кравченко 1983; Никитина 1985, 2008, 2012), так и погребений отдельных обрядовых групп (Петраускас 2002) с выделением их подгрупп (Махно 1971; Niculescu 1993; Петраускас 2009). Объектом изучения являлись разрушенные в древности погребения-

ингумации (Петраускас 2014), сохранность ингумаций на дюнных могильниках (Lyubichev, Schultze 2018). И это — далеко не все вопросы изучения погребального обряда.

Исследователи упоминали о «... редких, но тем не менее неоднократно отмеченных случаях совместных захоронений на черняховских могильниках наподобие изображенных на рисунке [В. В.] Хвойки трех подряд лежащих костяков (погр. 40—42 Черняхова)... Известны случаи захоронений матери с младенцем (Данилова Балка, Дедовщина, Чер-

Рис. 1. Групповые погребения на могильниках культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш: I — «реальные», II — «спорные», III — «сомнительные». 1 — Бырлад Валя Сякэ (Bîrlad-Valea Seacă); 2 — Будешты (Budești), 3 — Войтенки; 4 — Данчени (Dănceny); 5 — Деревяна; 6 — Каборга IV; 7 — Одая; 8 — Оселивка; 9 — Романковцы; 10 — Тыргшор (Tîrgșor); 11 — Фурмановка; 12 — Червоное 2; 13 — Черняхов (по Гей 1993: карта 23)

Fig. 1. Multiple burials in the cemeteries of the Chernyakhov/Sântana de Mureș culture: I — “real”, II — “problematic”, III — “debatable”. 1 — Bîrlad-Valea Seacă, 2 — Budești, 3 — Voitenki, 4 — Dănceny, 5 — Derevyana, 6 — Kaborga IV, 7 — Odaya, 8 — Oselivka, 9 — Romankovtsy, 10 — Târgșor, 11 — Furmanovka, 12 — Chernovoe, 13 — Chernyakhov (after Гей 1993: map 23).

няхов)», но признавали, что, «...как правило, погребения черняховских могильников индивидуальны и располагаются в среднем на расстоянии 1—3 м одно от другого» (Сымонович, Кравченко 1983: 19). В каталоге Г. Ф. Никитиной содержится информация о групповых погребениях из могильников Балцаты (Balcaty) II (погр. 11), Бельнякое (погр. 9), Курники (погр. 10), Успенка (погр. 1644), Заячивка (погр. 3) (Никитина 2012: 153—161, 266, 302, 330). Но при рассмотрении этих комплексов оказалось, что они являются типичными одиночными погребениями (Рикман, 1988: рис. 1Б; Гудкова 1987: 59; Магомедов 1999: 107; Некрасова 2006: 104, рис. 50: 18; Хавлюк 1974: 64, рис. 3: 1, 2, 14, 15; 4: 3; 5: 2, 7; 6: 1, 2; 7: 3, 5; 8: 1, 4).

При анализе погребений-кремаций могильника Тыргшор (Tîrgșor) Г. Никулеску затронул и вопрос парных погребений, бесспорными признаками которых являются: для ингумаций — наличие двух скелетов, для кремаций — двух урн. Они отражают совместное депонирование остатков двух индивидов и связаны со случайной ситуацией — одновременной смертью индивидов или их кончиной в коротком промежутке времени (Niculescu 1993: 198).

Групповые погребения на могильниках культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш до настоящего времени не явились предметом специального изучения. С увеличением количества источников этот вопрос приобретает ак-

туальность. Должны быть рассмотрены такие аспекты как: распространение явления, особенности устройства погребений и набора погребального инвентаря, датировка и социальное положение погребенных, мотивация к их совершению. Поводом нашего обращения к проблеме явилось открытие группового погребения (№183) на могильнике Войтенки¹. О.В. Шаров интересовался результатами исследования этого памятника, оказывал помощь в построении его хронологии. Мы благодарны ему за критические замечания и помощь.

Определение «группового погребения» и база источников

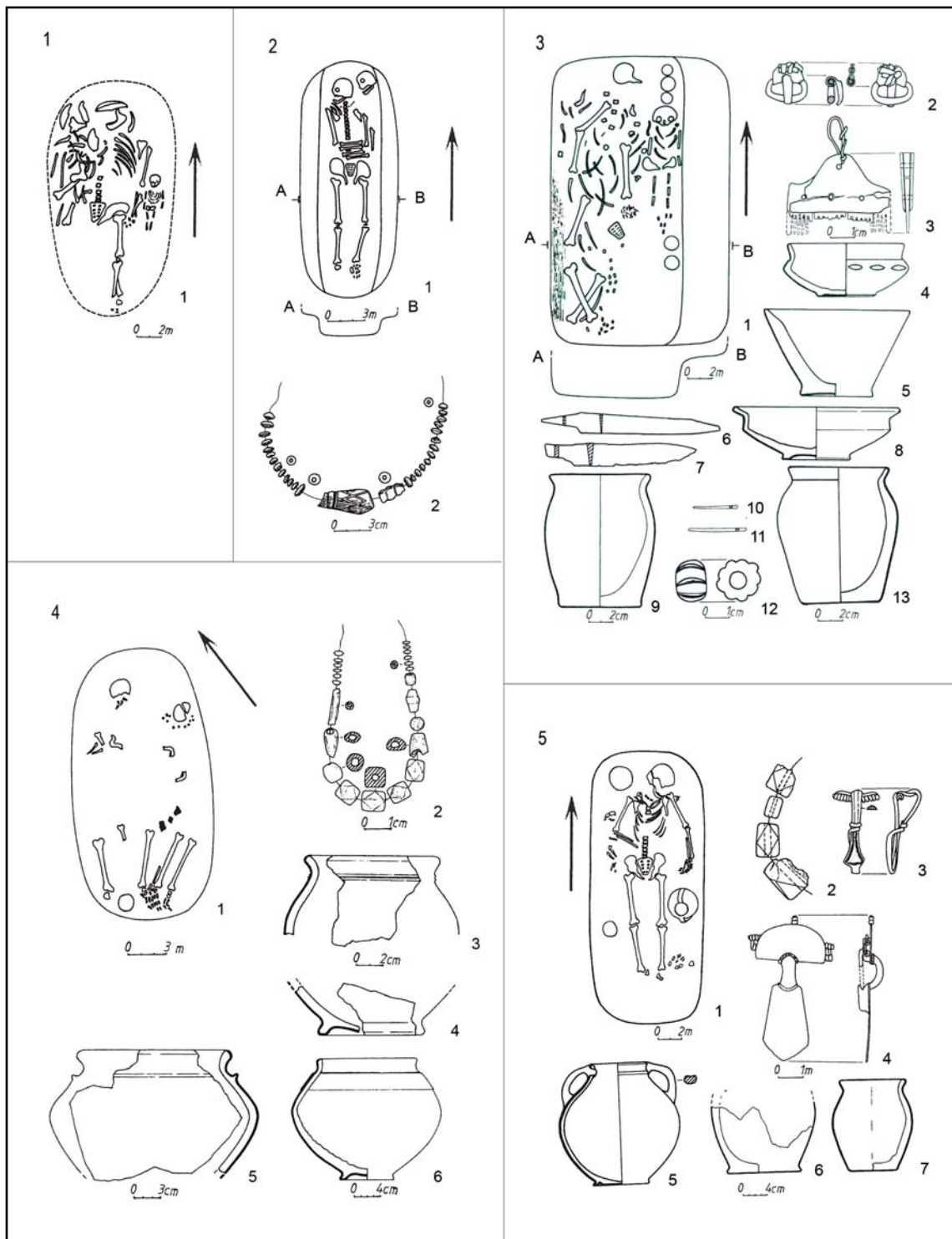
Традиционно определение «погребение» подразумевает помещение в могилу именно одного умершего. Появление погребений с двумя или несколькими покойниками может быть вызвано: 1) одновременной смертью индивидов; 2) выполнением умершим (умершими) роли погребального инвентаря для одного члена группы (Caselitz 1981: 174). В качестве иллюстрации второго аспекта возможно привести рассказ Геродота об умерщвлении и погребении слуг вместе с умершим скифским царем (*Herodot, IV, 71*) (Геродот 1972: 204), а также повествование Ибн Фадлана об умерщвлении девушки — наложницы при погребении хакана русов (Путешествие Ибн Фадлана... 1939: 82—83).

Выделяются виды групповых погребений: 1) с одновременным депонированием двух или более покойников — закрытый комплекс („Doppel — Mehrfachbestattung”); 2) постепенно заполняемые, с повторяющимся помещением в погребение нового индивида (Caselitz

1981: 174—175). Под «групповым погребением» на могильниках культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш мы понимаем именно первый вид. При составлении базы данных (каталога) групповых погребений необходимо отобрать комплексы могильников, соответствующие именно его критериям. Поэтому выделяются такие группы как «реальные», «спорные», «сомнительные» и «недостовверные» групповые погребения. Рассмотрим их состав.

1). «Реальные» групповые погребения — это закрытые комплексы с одновременным помещением двух и более покойников. Они могут быть в различной степени разрушены, например: а) полностью сохранился один скелет и часть другого; б) большей частью разрушены два скелета, но по размещению их нижних конечностей определяется первоначальное положение погребенных; в) в качестве части второго скелета представлен лишь его череп. К группе относится несколько погребений могильника Бырлад-Валеа Сяке (Bîrlad-Valea Seacă) (далее — «Бырлад»). В погребении 27, выполненном в овальной яме по линии Север—Юг, на параллельных осях в вытянутом положении, на спине находились скелеты взрослого и ребенка. Часть скелета взрослого разрушена и смещенные кости находились в скоплении у западной стенки ямы (Palade 2004: 113, fig. 235) (рис. 2: 1). В погребении 95, выполненном в яме с заплечиками, по линии Север—Юг, в вытянутом положении на спине, находился скелет женщины. Возле ее черепа залегал другой череп. В качестве инвентаря сохранилось ожерелье из бус (Palade 2004: 115, fig. 171) (рис. 2: 2). В погребении 408, выполненном в прямоугольной яме с уступом, скелеты взрослого и ребенка, ориентированные по линии Север—Юг, располагались вытянуто на спине. Скелет взрослого разрушен, но по положению костей фиксируется его первоначальное положение. Скелет ребенка не разрушен и сохранился его инвентарь: два железных ножа, две бронзовых иглы, 5 лепных и круговых сосудов, бусина, бронзовая пряжка, роговой гребень-подвеска (Palade 2004: 134, fig. 242) (рис. 2: 3). Два скелета взрослых в прямоугольной яме с округленными углами погребения 462 были разрушены, но нахождение *in situ* черепов и нижних конечностей указывает на их вытянутое положение на спине, на параллельных осях по линии Север—Юг. В области шеи возле черепа, находившегося в восточной части ямы, располагалось ожерелье из бус, что свидетельствует об одном из погребенных как женщине.

¹ Могильник относится к археологическому комплексу позднеримского времени — начала эпохи Великого переселения народов, находящемуся в восточной части ареала культуры Черняхов/Сынтана-де-Муреш (рис. 1) возле с. Войтенки (Богодуховский район, Харьковская область, Украина), расположен на южном склоне мокрой балки, выше поселения с участками и комплексами ступеней C1b—C2 и C3—D1. Во время его исследования Германо — Славянской археологической экспедицией Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина в кооперации с Евразийским отделом Германского археологического института в течение 2005—2021 гг. открыто 273 погребения (128 ингумаций, 143 кремации, 2 кенотафа), относящихся к ступеням C3—D1 в системе Я. Тейрала (Tejral 1992: 234—246) или к фазам В—Е горизонта «классической» черняховской культуры в области днепро — донецкой лесостепи (Любичев 2019, ч. 2: 32—36). Исследование могильника продолжается.

Рис. 2. «Реальные» групповые погребения могильника Бырлад-Валеа Сяке (Bîrlad-Valea Seacă): 1 — погр. 27; 2 — погр. 95; 3 — погр. 408; 4 — погр. 462; 5 — погр. 482 (по Palade 2004: fig. 171, 235, 242, 253, 257).

Fig. 2. "Real" multiple burials of the cemetery in Bârlad-Valea Seacă: 1 — gr. 27; 2 — gr. 95; 3 — gr. 408; 4 — gr. 462; 5 — gr. 482 (after Palade 2004: fig. 171, 235, 242, 253, 257).

Целый сосуд находился в области ступней одного погребенного, сохранились фрагменты еще трех сосудов (Palade 2004: 138, fig. 253) (рис. 2: 4). В погребении 482, совершенном

в прямоугольной яме, скелеты женщины и ребенка находились по оси Север-Юг в вытянутом положении на спине. Сохранился фрагмент ожерелья (несколько бусин), две фибулы,

два целых сосуда и фрагмент одного (Palade 2004: 138, fig. 257) (рис. 2: 5).

В погребении 98 могильника Будешты (Budești) скелеты мужчины и женщины находились в прямоугольной яме в вытянутом положении на спине, на параллельных осях по линии Север—Юг (Рикман 1967: 59, рис. 12: 6) (рис. 3: 1). В погребении 4 могильника Деревяна в овальной яме располагались три скелета: в центре — скелет взрослого без черепа, череп находился на правой бедренной кости скелета, к западу — первый скелет подростка с черепом и череп располагался в области таза этого скелета. От второго скелета подростка сохранились лишь нижние конечности. Скелеты на параллельных осях ориентированы по линии Север—Юг. В погребении находились 4 фибулы, две бусины, сосуд (Кравченко и др. 2007: 332, рис. 8: 5—11) (рис. 3: 2).

Погребение 91 могильника Романковцы совершено в яме с заплечиками и ориентировано по линии Запад—Восток. На параллельных осях, вытянуто на спине залегали скелеты предположительно мужчины и женщины (Никитина 1996: 93, табл. 38) (рис. 3: 3). Автор раскопок Г. Ф. Никитина предположила, что разрушения в области таза у скелета 2 связано с более поздним помещением второго покойника (скелет 1) (Никитина 1996: 93). Но эта аргументация выглядит неубедительно и одновременное захоронение обоих покойников видится более вероятным. Погребение 183 могильника Тыргшор (Țîrgșor) совершено в прямоугольной яме с округленными углами, ориентировано по линии Север—Юг. На параллельных осях вытянуто на спине залегали скелеты взрослого и ребенка. В инвентаре взрослого находилось две фибулы и пряжка, в инвентаре ребенка — звено цепи (Diaconu 1965: 65, pl. 113: 1—5) (рис. 3: 4).

Погребение 183 могильника Войтенки, открытое в 2013 г., еще не опубликовано (Любичев, Шульгце, в печати) и потому остановимся на нем более подробно. Пятно ямы погребения прямоугольной формы с округленными углами выявлено на глубине 0,8 м от уровня современной поверхности, размеры ямы составляют 3,10 × 2,16 м. Почти ровное дно ямы понижается в восточной части. На ее дне обнаружены 6 столбовых ям: три из них видны хорошо, три — более слабо. Столбовые ямы находились на расстоянии 10—15 см от стенки погребальной ямы, что свидетельствует о наличии деревянной конструкции, вероятно — погребальной камеры. На дне ямы, на глубине 1,03—1,40 м, находились два скелета, ориентированных по линии Север—Юг

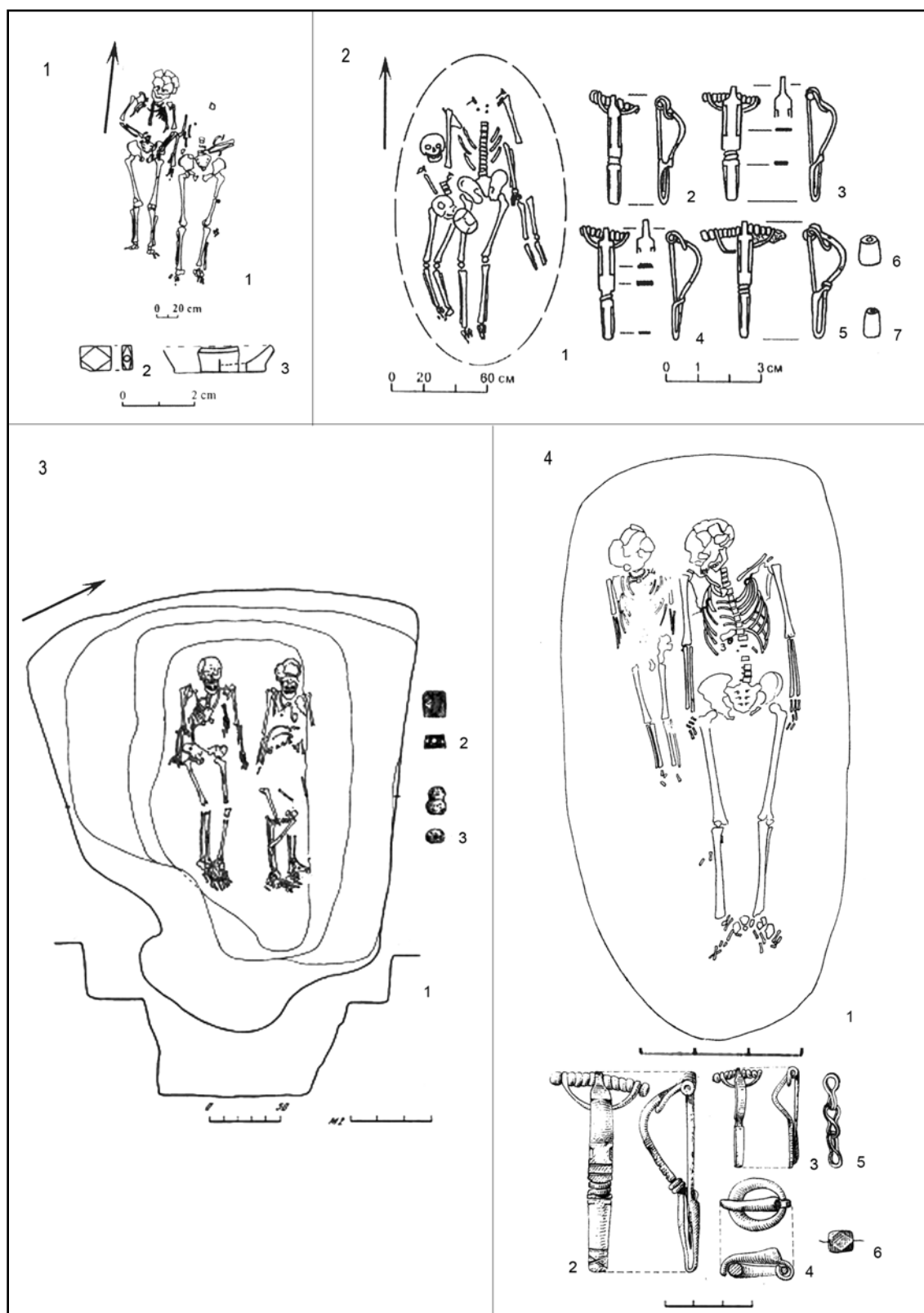
(рис. 4; 5). Скелет 1 располагался в западной части ямы, восточнее параллельно с ним — скелет 2. Оба скелета залегали на спине, верхние конечности скелета 1 согнуты в локтях и скрещены на грудной клетке, нижние конечности — согнуты в коленных суставах и повернуты на восток. Восточная часть скелета 2 отсутствует, кости правой руки вытянуты вдоль тулова (рис. 4; 5). Согласно антропологическому определению скелет 1 принадлежит мужчине 18—20 лет, скелет 2 — женщине 30—35 лет².

Инвентарь погребения возможно соотнести с конкретными захоронениями. Рядом со скелетом 1 находились 7 из 12 круговых сосудов (рис. 6: 1—4, 6, 10; 7). Следует выделить кувшин с редкими изображениями животных (рис. 7). М. Хегевитш уделил внимание орнаменту этого сосуда в контексте зооморфных орнаментов *Germania Libera* (Hegewisch 2018). Кроме кувшина керамический инвентарь этого захоронения состоит из двух целых мисок (рис. 6: 1, 6), фрагмента миски (рис. 6: 10), двух ваз (рис. 6: 2, 3), горшка (рис. 6: 4). Большая ваза, состоявшая из фрагментов (рис. 6: 3), отличалась непрочностью и не могла использоваться в быту. Такой сосуд, относимый к «сырцовой» керамике, специально изготовлен для погребения. Одна миска имеет диаметр венчика лишь 11 см, потому могла выполнять функцию кубка (рис. 6: 1). В этом случае керамический инвентарь, относящийся к скелету 1, представлял так называемый «питьевой сервиз»³. Кроме того, инвентарь захоронения включал бронзовую фибулу (рис. 8: 5), 7 камней песчаника, уложенных на фрагменте миски.

Пять других сосудов относились к скелету 2: горшок (рис. 6: 7), двуручный кувшин (рис. 6: 11), три миски (рис. 6: 5, 8, 9). Две миски принадлежат к открытому типу, а третья является нижней частью другого сосуда. Вероятно, первоначально это был кувшин или ваза, затем часть поврежденного сосуда стала выполнять роль миски. Такое вторичное ис-

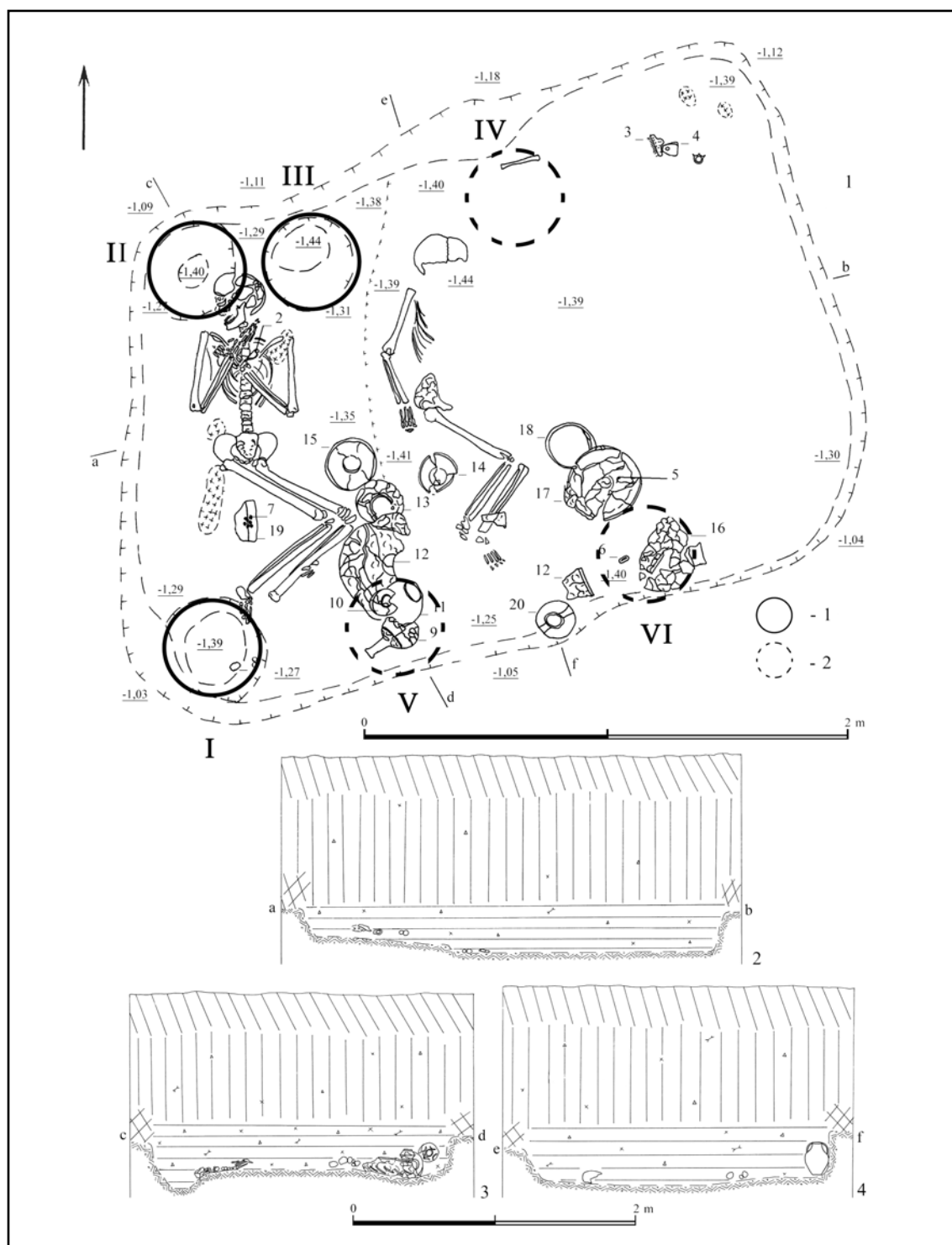
² Антропологический анализ выполнен старшими научными сотрудниками Отдела биоархеологии Института археологии НАН Украины докт. ист. наук Т. А. Рудич, канд. ист. наук А. Д. Козак. Выражаем им свою глубокую признательность.

³ Так называемый керамический «питьевой сервиз» подразделяется на «неполный», включающий горшки, миски закрытого и открытого типов, вазы, трехручную вазу, кувшины, и «полный», где помимо перечисленных форм сосудов присутствует и кубок/кубки (керамический, стеклянный, керамический и стеклянный) (Шульгце, Любичев 2018: 122).

Рис. 3. «Реальные» групповые погребения: 1 — Будешты (Budești), погр. 98 (по Vornic 2006: fig. 57: 2); 2 — Деревяна, погр. 4 (по Кравченко и др. 2007: рис. 8: 5—11); 3 — Романковцы, погр. 11 (по Никитина 1996: табл. 38); 4 — Тыргшор (Tîrgșor) (по Diaconu 1965: pl. 113: 1—5).

Fig. 3. “Real” multiple burials: 1 — Budești, gr. 98 (after Vornic 2006: fig. 57: 2); 2 — Derevyana, gr. 4 (after Кравченко и др. 2007: рис. 8: 5—11); 3 — Romankovtsy, gr. 11 (after Никитина 1996: табл. 38); 4 — Tîrgșor, gr. 182 (after Diaconu 1965: pl. 113: 1—5).

Рис. 4. Погребение 183 могильника Войтенки: план и профили. Столбовые ямы (обозначены римскими цифрами) в погребении: 1 — хорошо различимые, 2 — плохо различимые. Обозначения вещей в погребении: 2 — фибула, 3 — гребень, 4 — грузило, 5 — клювовидная булавка, 6 — пряслице, 7 — камни (7 штук), 8 — камень, 9 — сосуд 1, 10 — сосуд 2, 11 — сосуд 3, 12 — сосуд 4, 13 — сосуд 5, 14 — сосуд 6, 15 — сосуд 7, 16 — сосуд 8, 17 — сосуд 9, 18 — сосуд 10, 19 — сосуд 11, 20 — сосуд 12.

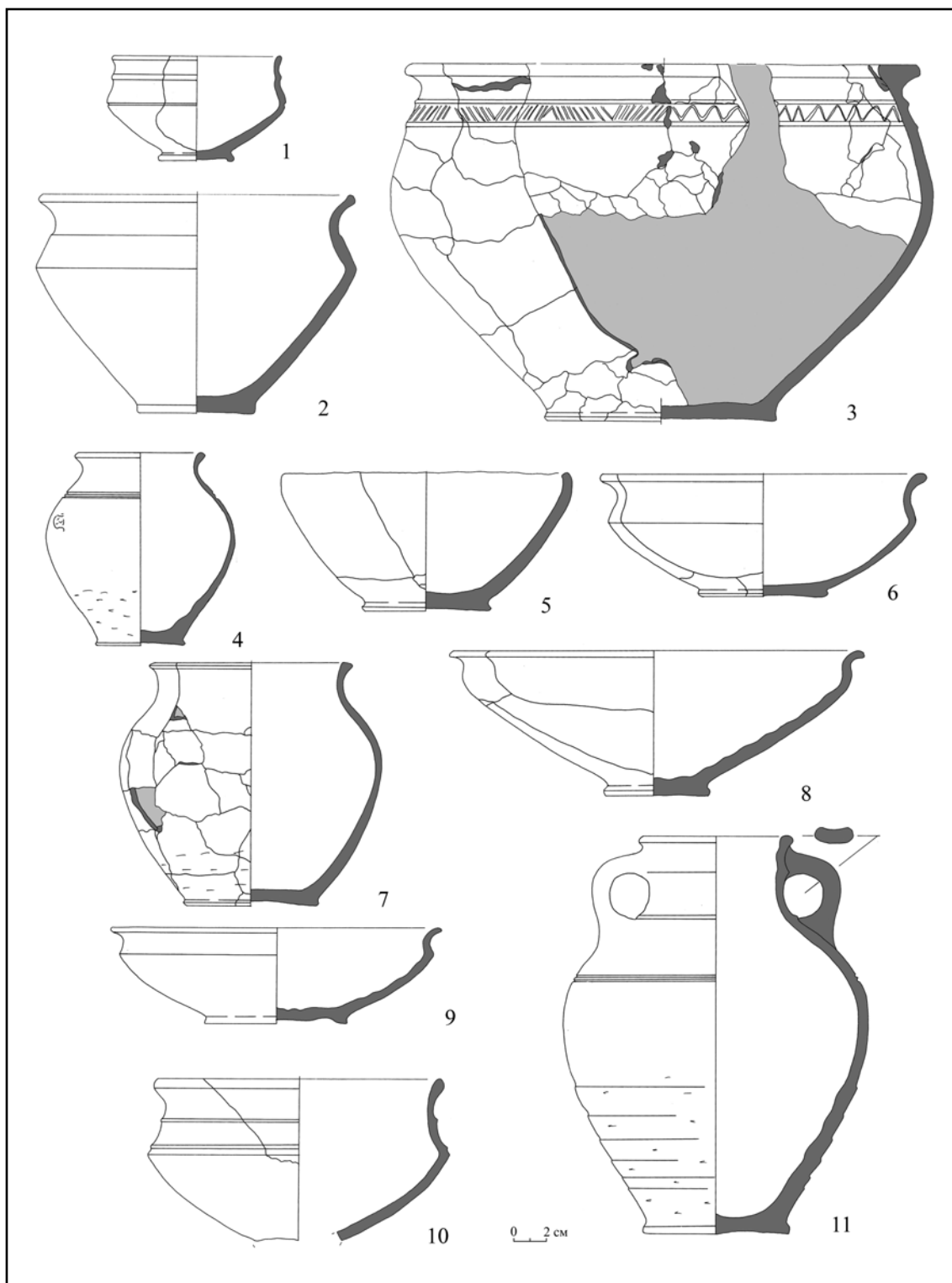
Fig. 4. Grave 183 of the cemetery in Voitenki: plane and profile. Post-pits (marked with Roman numerals): 1 — well cognisable, 2 — poor cognisable. Legend for the inventory: 2 — brooch, 3 — comb, 4 — loom weight, 5 — curved needle, 6 — spindle whorl, 7 — stones (7 pieces), 8 — stone, 9 — vessel 1, 10 — vessel 2, 11 — vessel 3, 12 — vessel 4, 13 — vessel 5, 14 — vessel 6, 15 — vessel 7, 16 — vessel 8, 17 — vessel 9, 18 — vessel 10, 19 — vessel 11, 20 — vessel 12.

Рис. 5. Погребение 183 могильника Войтенки (фото).

Fig. 5. Grave 183 of the cemetery in Voitenki (photo).

Рис. 6. Погребение 183 могильника Войтенки: керамические сосуды. 1 — миска закрытого типа (сосуд 2), 2 — ваза (сосуд 3), 3 — ваза (сосуд 4), 4 — горшок (сосуд 5), 5 — миска (сосуд 6), 6 — миска открытого типа (сосуд 7), 7 — горшок (сосуд 8), 8 — миска открытого типа (сосуд 9), 9 — миска открытого типа (сосуд 10), 10 — миска закрытого типа (сосуд 11), 11 — двуручный кувшин (сосуд 12).

Fig. 6. Grave 183 of the cemetery in Voitenki: Ceramic vessels. 1 — bowl of closed type (vessel 2), 2 — vase (vessel 3), 3 — vase (vessel 4), 4 — pot (vessel 5), 5 — bowl (vessel 6), 6 — bowl of open type (vessel 7), 7 — pot (vessel 8), 8 — bowl of open type (vessel 9), 9 — bowl of open type (vessel 10), 10 — bowl of closed type (vessel 11), 11 — two-handled jug (vessel 12).

Рис. 7. Погребение 183 могильника Войтенки: кувшин с зооморфным орнаментом (сосуд 1): 1 — рисунок сосуда и орнамента, 2—5 — фото.

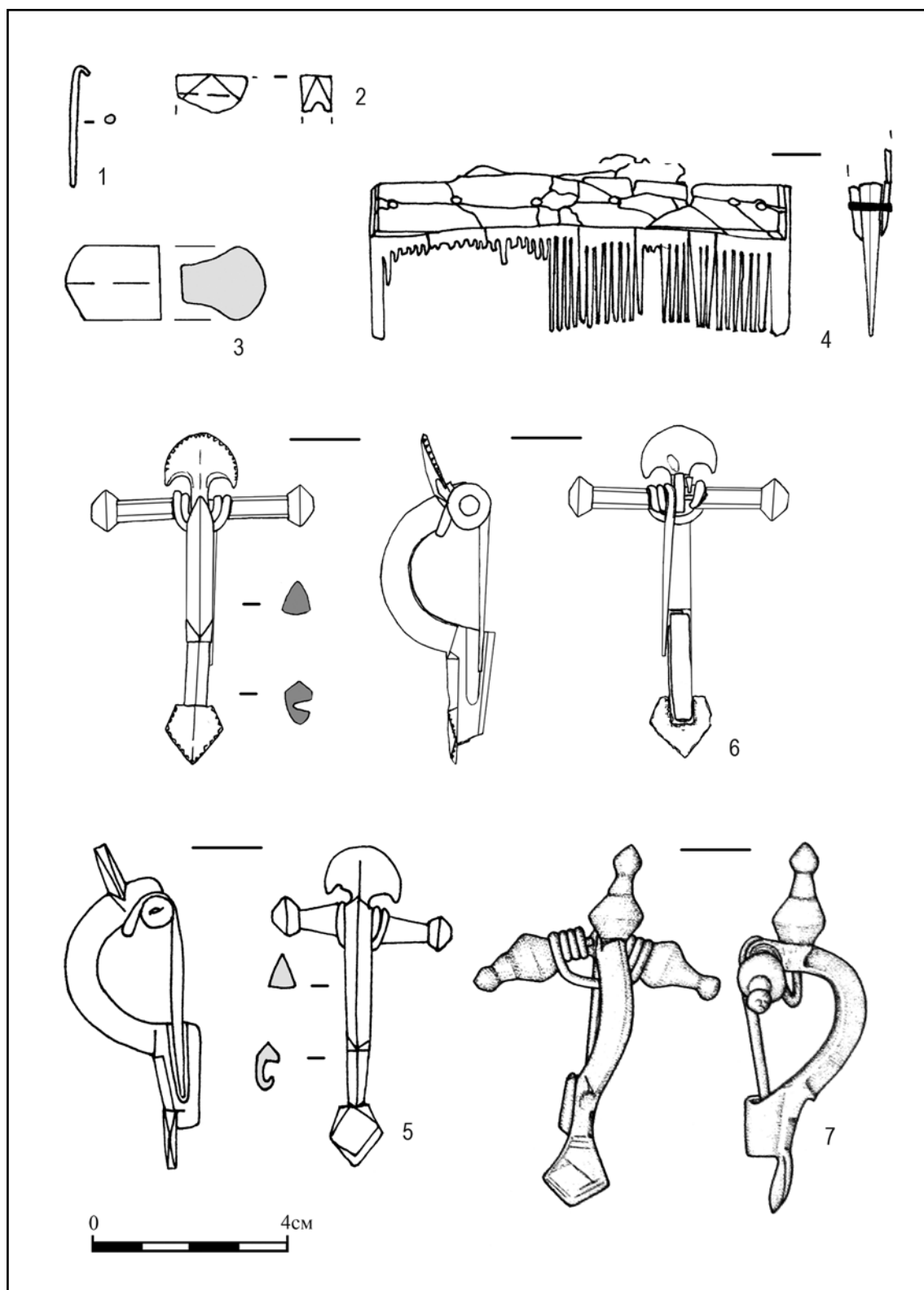
Fig. 7. Grave 183 of the cemetery in Voitenki: Jug with zoomorphic ornament (vessel 1): 1 — drawing of the vessel and ornament, 2—5 — photo.

пользование нижней части сосудов является довольно необычным в погребениях. Этот сосуд не отличается от круговой керамики на могильнике и поселении Войтенки, но по результатам естественно-научных анализов его тесту определено не имеет местного происхождения⁴. Поэтому не исключено, что сосуд имел особенное значение для умершей или членов её семьи. Частью инвентаря погребен-

ной являлись также глиняное пряслице, бронзовая посоховидная булава.

Кроме того, в северо-восточном углу ямы найдены роговой гребень, глиняное пирамидальное грузило, кости животных (остатки жертвенной пищи). Эти вещи лежали на достаточно большом расстоянии от скелетов. Может быть здесь находилось еще одно захоронение, которое было разрушено. С ним могла быть связана позвоночная кость с этой площади. Но точное свидетельство такого захоронения отсутствует, поэтому уверенно можно говорить лишь о парном погребении.

⁴ Schultze et al. 2021: 209, там этот сосуд отмечен как проба Voj 284.

Рис. 8. Индивидуальные находки из погр. 183 могильника Войтенки (1—5): 1 — клювовидная булавка, 2 — бусина, 3 — пряслице, 4 — гребень, 5 — фибула; 6 — фибула из культового слоя могильника, 7 — фибула из Блиндова (Blindow, Lkr. Uckermark) (по Voß 1998: Abb. 3:8).

Fig. 8. Grave inventory of grave 183 in Voitenki (1—5), 1 — curved needle, 2 — bead, 3 — spindle whorl, 4 — comb, 5 — brooch; 6 — brooch from the cultic layer of the cemetery, 7 — brooch from Blindow (Lkr. Uckermark) (after Voß 1998: Abb. 3:8).

Конструкция ямы, положение скелетов возможно свидетельствует об одновременности захоронения двух покойников.

2). «Спорные» групповые погребения — комплексы, которые уверенно нельзя отнести к закрытым ввиду полной разрушенности скелетов (одного из скелетов), что не дает возможности утверждать об их одновременном депонировании. Не исключается возможность попадания костей одного скелета из другого погребения. Причиной отнесения погребений в эту группу является также отсутствие фиксации общей погребальной ямы⁵.

В погребении 426 могильника Бырлад, выполненном в яме с заплечиками, длинной осью ориентированной в направлении Север — Юг, скелеты взрослого и подростка были полностью разрушены, и кости смещены в южную часть ямы. Среди сохранившегося инвентаря: бронзовая подвеска, фрагмент бронзовой фибулы, железный нож, бронзовая игла с частью костяного игольника, кольца цепи (Palade 2004: 125, fig. 248) (рис. 9: 1). В погребении 94 могильника Будешты, совершенном в яме, кости двух детских скелетов были разбросаны. Автор раскопок сообщает об «остатках двух разрушенных детских трупоположений» (Рикман 1967: 71). В погребении 18 могильника Данчены (Dănceni), совершенном в яме, ориентированной по оси Север — Юг, скелет одного подростка (18Б) находился в скорченном положении на левом боку, а кости другого детского скелета (18А) беспорядочно располагались в южной части ямы (Рафалович 1986: 32, табл. II: 2; XVIII: 3) (рис. 9: 2).

Погребение 8 могильника Каборга IV совершено в яме с подбоем. Первый скелет, находившийся в подбое, принадлежал женщине, судя по наличию металлических подвесок. Второй скелет помещался на дне входной ямы, и его положение (легкая согнутость, упор черепом в стенку входной ямы) свидетельствует, что это пространство не предназначалось для размещения покойника и вероятно он был помещен сюда позднее, после завершения погребения в подбое (Магомедов

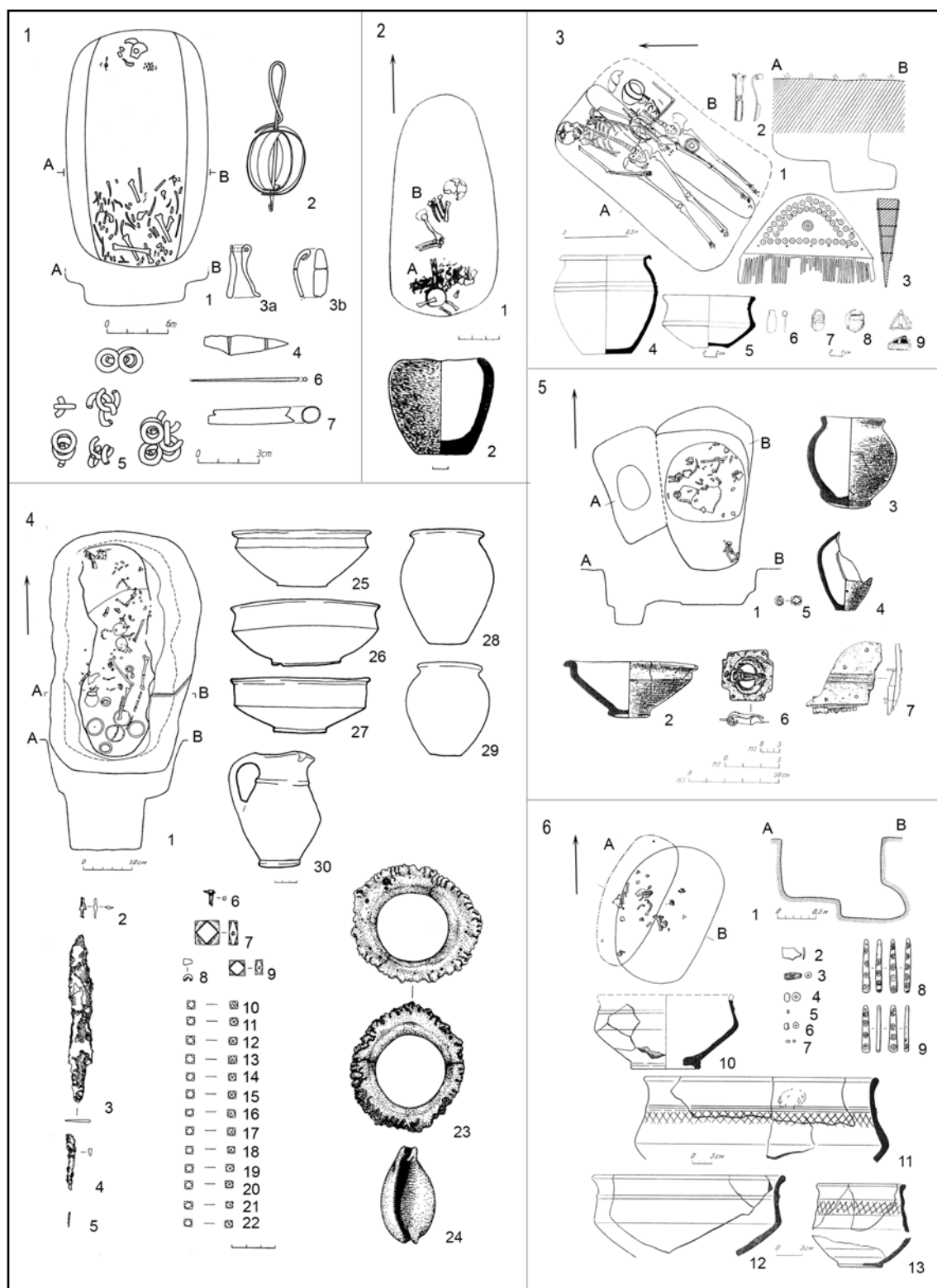
1979: 37—39, табл. IX: 4—13) (рис. 9: 3). Погребение 4 могильника Одая было совершено в яме с заплечиками, на дне которой находились кости разрушенного скелета. Сохранившиеся *in situ* нижние конечности одного скелета, располагавшиеся сверху на группе сосудов в южной части ямы, свидетельствуют о его первоначальном вытянутом положении на спине. В составе «женского» инвентаря погребения — элементы ожерелья из бус, раковина моллюска *Cyprea*, подвеска из основания оленьего рога. 6 сосудов не составляют «питейного сервиза» (Никитина 1996: 10—11, табл. 6, 7) (рис. 9: 4). Захоронение находилось на глубине 2 м, выше, на глубине 1,20 м был найден второй череп. Г. Ф. Никитина предполагала, что он попал сюда после разрушения погребения, при засыпке ямы (Никитина 1996: 11). По ее сведениям, антропологический анализ установил принадлежность обоих черепов мужчинам. В погребении 9 могильника Оселивка, совершенном в прямоугольной яме, ориентированной по оси Север-Юг, кости скелетов взрослого и ребенка были перемешаны при вторжении в погребение: часть их находилась на дне ямы вторжения/дне погребальной ямы и в юго-восточном углу погребальной ямы (Никитина 1988: 17, табл. 5А) (рис. 9: 5).

Погребение 23 могильника Фурмановка совершено в яме с подбоем. Кости разрушенных скелетов взрослого и ребенка находились в подбое и во входной яме, сохранились отдельные элементы инвентаря (бусы, пирамидальные роговые подвески, раковина морского моллюска, фрагмент стеклянного сосуда, фрагменты 4 сосудов) (Сымонович 1988: 158—159, рис. 13) (рис. 9: 6).

Погребения 57 и 59 могильника Червоное (Червоне) 2 являлись ингумациями взрослого (57) и подростка (59), находившиеся рядом и ориентированные по линии Запад—Восток. Погребение взрослого не имело инвентаря, а погребение подростка содержало две парные бронзовые подвижные фибулы, две стеклянные бусины и две стеклянные пронизи (Петраускас и др. 2013: 11—12, рис. 21)⁶. Отнести эти погребения к «реальному» групповому, не позволяют следующие обстоятельства: 1) скелеты залегали в нижней части предматерика, на границе с материком и потому пятно (пятна) ямы (ям) погребений (погребения) не прослежены, нет свидетельства именно об одной

⁵ Анализ разрушенных погребений-ингумаций и опыт склеивания происходящих из них разрушенных сосудов, показывает, что фрагменты происходят из разрушенных погребений, часто расположенных на довольно большом удалении, в различных частях могильника. Фрагменты сосудов из одного погребения попали в другое, что могло быть случайностью и преднамеренным переносом (Руснак, Филатов 2019: 186, рис. 2). Подобное могло произойти и с костями разрушенных скелетов.

⁶ Выражаем огромную признательность О. В. Петраускасу за предоставленную возможность пользоваться еще не опубликованными материалами исследований могильника Червоное 2.

Рис. 9. «Спорные» групповые погребения: 1 — Бырлад-Валеа Сяке (Bîrlad-Valea Seacă), погр. 426 (по Palade 2004: fig. 248); 2 — Данчени (Dănceni), погр. 18 (по Рафалович 1986: табл. II: 2; XVIII: 3); 3 — Каборга IV, погр. 8 (по Магомедов 1979: табл. IX: 4—13); 4 — Одая, погр. 4 (по Никитина 1996: табл. 6, 7); 5 — Оселивка, погр. 9 (по Никитина 1988: табл. 5A); 6 — Фурмановка, погр. 23 (по Сымонович 1988: рис. 13).

Fig. 9. “Problematic” multiple burials: 1 — Bârlad-Valea Seacă, gr. 426 (after Palade 2004: fig. 248); 2 — Dănceni, gr. 18 (after Рафалович 1986: tabl. II: 2; XVIII: 3); 3 — Kaborga IV, gr. 8 (after Магомедов 1979: tabl. IX: 4—13); 4 — Odaya, gr. 4 (after Никитина 1996: tabl. 6, 7); 5 — Oselivka, gr. 9 (after Никитина 1988: tabl. 5A); 6 — Furmaniovka, gr. 23 (after Сымонович 1988: fig. 13).

яме, в которой находились бы двое погребенных; 2) скелеты залежали на различной глубине: взрослый (погр. 57): 1,33—1,52 м и подросток (погр. 59): 1,21—1,35 м; 3) расстояние между скелетами составляет 0,5 м, и череп подростка находится на уровне таза скелета взрослого. Для сравнения, скелеты детей и подростков в «реальных» парных погребениях 27, 408, 482 Бырлад, 182 Тыргшора залежали вплотную к скелетам взрослых. Скелеты детей (младенцев) находились возле локтя руки взрослого (погр. 27, 482 Бырлад) (рис. 2: 1; 2: 4: 1), черепа скелетов подростков залежали на одном (почти на одном) уровне с черепами скелетов взрослых (погр. 408 Бырлад, 182 Тыргшор) (рис. 2: 3: 1; 3: 4: 1).

3). «Сомнительные» групповые погребения — это комплексы, о которых имеется самая мизерная информация или отрывочные сведения, не позволяющие уверенно отнести их к групповым. На основании отрывочной информации В.В. Хвойки о раскопках Черняховского могильника В.П. Петров предоставил сведения о погребениях, которые могли быть групповыми. Погребение 40—42 характеризуется как ингумации, ориентированные по оси Запад — Восток, без инвентаря. Отмечено, что скелеты находились «почти рядом... на незначительном расстоянии друг от друга и при небольшой разнице глубины» (в пределах 2,4—2,5 м) в одинаковом, вытянутом положении (Петров 1964: 75). Эта информация дает основание для предположения как о наличии действительно группового погребения с тремя скелетами, так и о присутствии трех отдельных погребений, ямы которых находились на малом расстоянии друг от друга.

Погребение 47—48 Черняховского могильника также представляет собой безинвентарные погребения — ингумации, ориентированные по оси Запад — Восток (Петров 1964: 75). Но в отчете о положении скелетов сказано, что «кости одного из них лежали крестообразно на костях ног другого» (Петров 1964: 75). Эта информация свидетельствует в пользу наличия двух отдельных, располагавшихся одно над другим, погребений с различной ориентировкой: по осям Север — Юг и Запад — Восток.

4). «Недостовверные» групповые погребения — погребения, которые однозначно нельзя отнести к групповым. Речь идет о двух и более отдельных погребениях в том числе с различной ориентировкой, ямы которых соприкасаются. К каждому погребенному относится его инвентарь.

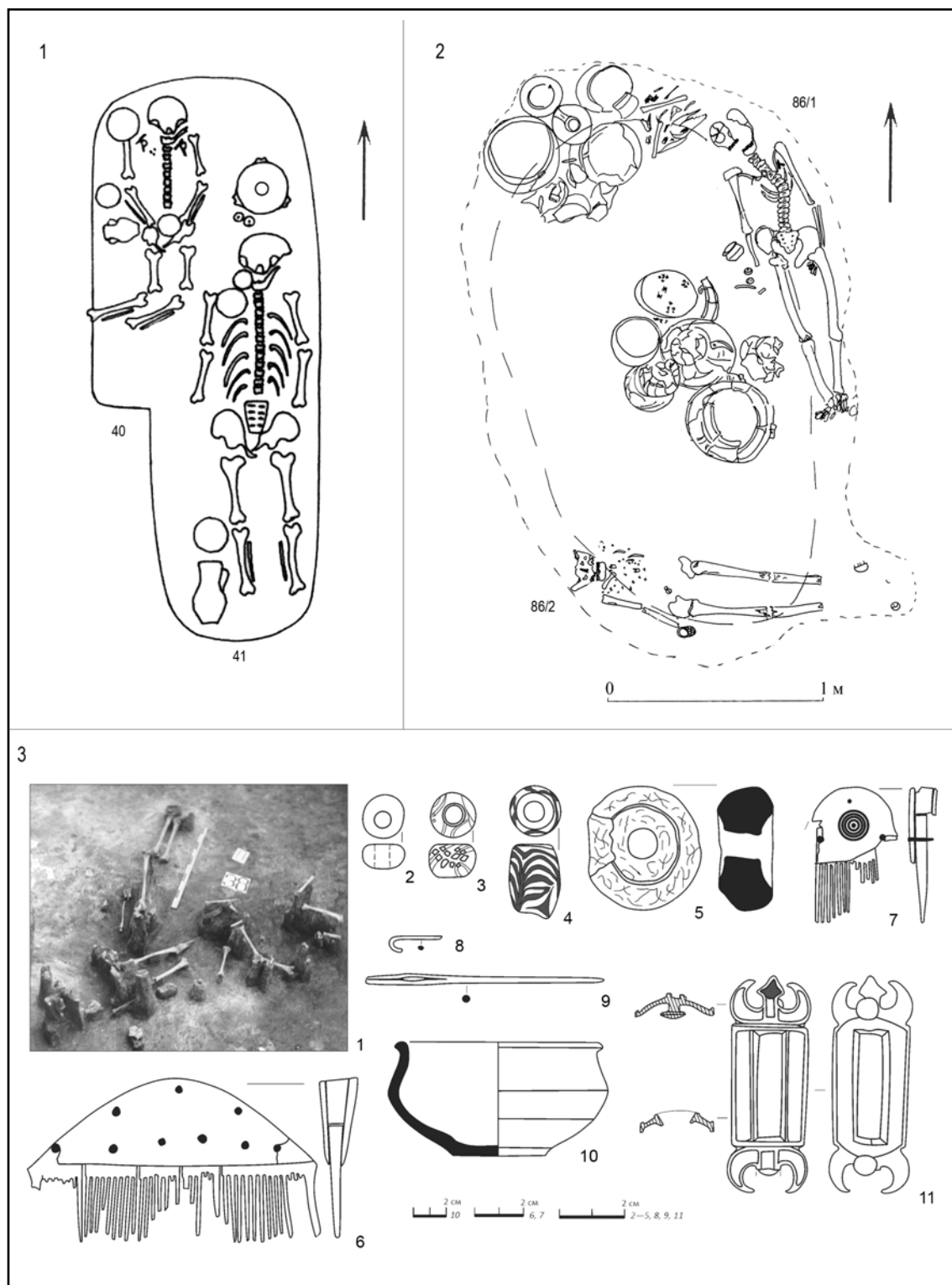
Ямы погребений 40 и 41 могильника Полочин (Polocin) соприкасаются. Оба скеле-

та находятся на параллельных осях Север — Юг, но первый скелет (погр. 40) залегают выше, на уровне его нижних конечностей (которые подогнуты) располагался череп второго скелета (погр. 41) (Mamalausă 2018: 77, pl. 202—205) (рис. 10: 1).

Факт соприкосновения ям погребений 86/1 и 86/2 могильника Войтенки лег в основу первоначального вывода о наличии группового погребения. Но при анализе выяснилось, что речь идет о двух отдельных женских погребениях, ориентированных по различным осям (86/1: Север — Юг, 86/2: Запад — Восток), с различными погребальными конструкциями (86/1 — яма с подбоем, 86/2 — простая яма) (Любичев и др. 2009: 44—48) (рис. 10: 2). Состав инвентаря погребения 86/2 полностью отвечает закономерностям ингумаций западной ориентировки (Петраускас 2009: 188—190): группа «приношения, посуда» представлена стеклянным кубком, группа «убор и украшения» — ожерельем из бус, фибулами и пряжкой, вещи производственного и бытового назначения — пряслицем и клюковидной булавкой.

Погребение 38 могильника Чернелив — Русский представляет собой остатки трех скелетов с различной ориентировкой, залегающих на разных глубинах (рис. 10: 3). В инвентаре этого «одного погребения» содержатся вещи, имеющие различную датировку: роговой гребень без плечиков с низкой овальной спинкой Никитина I/2a (Герета 2016: рис. 23: 6) (рис. 10: 3: 6) и гребень (фрагмент) с плечиками и округлой головкой Никитина III/1 (Герета 2016, рис. 23: 7) (рис. 10: 3: 7), вещь круга «выемчатых эмалей» (звено цепи?) (рис. 10: 3: 11) (Герета 2016: рис. 23: 11). Гребни Никитина I/2a преобладают на фазе 1, существуют на фазе 2, единично встречаются в фазе 3 хронологии черняховских могильников украинской лесостепи Е.Л. Гороховского, появление гребней Никитина III/1 связано уже с фазой 4 (Гороховский 1988: 42—44).

Оговоримся, что наша база данных по групповым погребениям не претендует на абсолютную полноту, что связано с состоянием опубликованности изученных могильников. Например, в публикации могильника Тыргшор, осуществленной Г. Диакону в 1965 г., приводится описание и рисунок парного погребения 182 (Diaconu 1965: 65, 113: 1—5). Раскопки могильника продолжались до 1992 г. и с учетом исследованных за этот период 163 погребений их общее количество составило 449. Среди них имеются 15 парных погребений: 5 ингумаций и 10 кремаций (Niculescu 1993: 197, 214).

Рис. 10. «Недостовверные» групповые погребения: 1 — Полоцин (Polocin), погр. 40 и 41 (по Mamalaucă 2018: pl. 202—205) (масштаб отсутствует); 2 — Войтенки, погр. 86/1 и 86/2 (по Любичев и др. 2009: рис. 198); 3 — Чернелив-Русский, погр. 38 (по Герета 2013: рис. 23).

Fig. 10. “Implausible” multiple burials: 1 — Polocin, gr. 40 and 41 (after Mamalaucă 2018: pl. 202—205) (without scale); 2 — Voitenki, gr. 86/1 and 86/2 (after Любичев и др. 2009: fig. 198); 3 — Cherneliv-Ruskiy, gr. 38 (after Герета 2013: fig. 23).

Анализ

Конструкция и ориентировка. Погребения были совершены в сооружениях различной конструкции. Имеющаяся выборка свидетельствует о полном преобладании среди них простых прямоугольных/овальных в плане ям (погр. 27, 462, 482 Бырлад; погр. 98 Будешти; погр. 4 Деревяна; погр. 182 Тыргшор) (рис. 2: 1, 4, 5; 3: 1, 2, 4). Два погребения были находились в ямах с заплечиками (погр. 95 Бырлад; погр. 91 Романковцы) (рис. 2: 2; 3: 3). Знакомство планом и профилем погр. 408 Бырлад в публикации (Palade 2004: fig.242) приводит к выводу, что оно было выполнено в яме с уступом. Скелет взрослого в западной части разрушен и факт разрушения может свидетельствовать о возникновении уступа как следа ямы вторжения. Но в восточной части погребения, возле уступа располагался целый скелет ребенка с нетронутым инвентарем (рис. 2: 3: 1). Это обстоятельство заставляет говорить о данной погребальной конструкции именно как о яме с уступом/ступенью. Размеры погребальной ямы, столбовые ямы, остатки деревянных плах свидетельствуют о наличии деревянной камеры в погр. 183 могильника Войтенки. Фактически все известные групповые погребения ориентированы по оси Север — Юг, исключение пока составляет погр. 91 могильника Романковцы, ориентированное по оси Запад-Восток (рис. 3: 3: 1).

Количество погребенных, пол и возраст.

К сожалению, не все эти погребения подверглись антропологическому изучению, что не позволяет пока определить пол всех погребенных. Возможно выделить следующие группы сочетаемости погребенных по их количеству, возрастному и половому признаку: Группа 1 (двое взрослых): женщина и мужчина (погр. 98 Будешти, погр. 91 Романковцы, погр. 462 Бырлад, погр. 183 Войтенки); Группа 2 (взрослый и подросток/ребенок): погр. 27, 408, 482 Бырлад, погр. 182 Тыргшор; Группа 3 (взрослый и два подростка): погр. 4 Деревяна. Это погребение выделяется не только количеством погребенных, что позволяет именовать его именно групповым погребением, а не парным. Наличие двух черепов вне анатомического порядка на костях двух скелетов возможно свидетельствует о также о том, что оно носит еще и дополнительный ритуальный характер. Группа 4 (погребение целого скелета взрослого и отдельного черепа): погр. 95 Бырлад.

Положение скелетов. Подавляющее большинство погребенных располагались на параллельных осях в вытянутом положении,

на спине (погр. 27, 95, 408, 462, 482 Бырлад; погр. 98 Будешти; погр. 4 Деревяна; погр. 91 Романковцы, погр. 182 Тыргшор). Положение скелетов в погр. 183 Войтенков считается следствием «археологизации» тел погребенных, проявившейся здесь в изменении положения ног. Заваливание нижних конечностей (в данном случае — на левую сторону) характерно для тел, уложенных на спину. Практически полностью были завалены ноги у первого скелета. Свободному движению ног способствовало наличие свободного пространства в деревянной погребальной камере (Руснак 2020: 85).

Разрушения. При частичном разрушении скелета отсутствует его часть по одной из сторон (одна верхняя конечность, часть костей ребер, одна нижняя конечность) (погр. 27 Бырлад) (рис. 2: 1), верхняя часть выше таза (погр. 98 Будешти) (рис. 3: 1), область таза (погр. 91 Романковцы) (рис. 3: 3: 1). При разрушении всего скелета в погр. 408 Бырлад даже сдвинутые кости верхних и нижних конечностей позволяют судить о первоначальном вытянутом положении покойника на спине (рис. 2: 3: 1). В погр. 462 Бырлад после разрушения в положении *in situ* фактически сохранились кости нижних конечностей двух скелетов и их черепа (рис. 2: 4: 1), что также позволяет заключить об их первоначальном положении. Выше уже говорилось о трех погребенных в погр. 4 Деревяной и особом характере разрушений в нем, позволяющих предполагать некий ритуальный смысл. Все приведенные здесь разрушения покойников в групповых погребениях по классификации О.В. Петраускаса относятся к типу «зональные» с различными вариантами (Петраускас 2014: 127, 129—130, табл. 1). «Тотальные» разрушения остатков покойников уже не позволяют уверенно относить погребения к «реальным», и они причислены нами к группе «спорных» групповых погребений.

Инвентарь погребений. В погр. 27 Бырлад, погр. 98 Будешти инвентарь отсутствует (рис. 2: 1; 3: 1). Фрагменты сосудов и бусина, происходящие из засыпки их ям, являются частью культового слоя могильника, следами погребений-кремаций в нем. Погр. 91 могильника Романковцы также не содержит инвентаря, бусины и фрагменты стеклянных изделий здесь происходят из заполнения (рис. 3: 3: 2, 3). Но отсутствие инвентаря в этом комплексе может быть объяснено его ориентировкой по линии Запад—Восток. В частности, для 37 могильников культуры среди погребений-ингумаций, ориентированных по оси Запад—

Восток, инвентарь содержался только в 15% погребений (Петраускас 2009: 189).

В составе инвентаря погребений присутствуют керамические сосуды: один (погр. 4 Деревяна), 5 (два горшка и три миски) (погр. 408 Бырлад) (рис. 2: 3: 4, 5, 8, 9, 13), два целых сосуда и три их фрагмента в погр. 462 Бырлад (рис. 2: 4: 3—6), два целых и один фрагмент в погр. 482 Бырлад (рис. 2: 5: 5—7). Ни в одном из этих погребений, даже с частичным разрушением скелета керамические сосуды не образуют «питейного набора». Он пока присутствует лишь в погр. 183 Войтенков и состоит из 12 сосудов (рис. 6).

Среди металлических предметов костюма фибулы различных типов и в различной комбинации присутствуют в целом ряде погребений: 4 бронзовых подвязных — в погр. 4 Деревяна (рис. 3: 2: 2—5), бронзовая подвязная и двупластинчатая серебряная — в погр. 482 Бырлад (рис. 2: 5: 3, 4), бронзовые подвязная и со сплошным приемником — в погр. 182 Тыргшор (рис. 3: 4: 2, 3). Бронзовая двучленная фибула из погр. 183 могильника Войтенки сочетает в себе черты *Bügelknopffibel* по наличию массивных спинки и ножки с приемником — «коробкой» на всю ее длину и *Zwiebelknopffibel* по имитации шарнира и «бусин»/«луковиц» на его окончании (рис. 8: 5). Особенность (эксклюзивность) данному изделию придает наличие на головке, на месте «кнопки», щитка в виде секиры, а на конце ножки — щитка в виде пятиугольника, на котором не убраны затеки по краям после извлечения из литейной формы. В культовом слое могильника на уровне 0,3 м в 14 м к Юго — Востоку от этого погребения была обнаружена подобная фибула (рис. 8: 6).

Бронзовые пряжки происходят из погр. 408 Бырлад (рис. 2: 3: 2), погр. 182 Тыргшор (рис. 3: 4: 4). В качестве предмета туалета в погр. 183 Войтенков присутствовал многочастный роговой гребень (рис. 8: 4). Из украшений и амулетов в групповых погребениях встречены: ожерелья из бус и их части (погр. 95, 462, 482 Бырлад) (рис. 2: 2: 2; 2: 4: 2; 2: 5: 2), отдельные бусины (погр. 408 Бырлад, погр. 4 Деревяна) (рис. 2: 3: 12; 3: 2: 6, 7), гребень-подвеска (погр. 408 Бырлад) (рис. 2: 3: 3), звенья цепочки (погр. 182 Тыргшор) (рис. 3: 4: 5). Из предметов утвари в этих погребениях имеются иглы и ножи (погр. 408 Бырлад) (рис. 2: 3: 6, 7, 10, 11), а также глиняное пряслице и клокотидная булава (погр. 183 Войтенков) (рис. 8: 1, 3). В погр. 183 Войтенков были также обнаружены камни, возможно имеющее ритуальное/магическое значение.

Хронология

Датировка пока довольно незначительной выборки «реальных» групповых погребений основывается на комплексах, содержащих минимум две датирующие вещи. В погребении 4 могильника Деревяна находились 4 бронзовых подвязных фибулы, причем на рисунке в публикации только у двух фибул приведено сечение их спинки (Кравченко и др. 2007: рис. 8: 7, 8) (рис. 3: 2: 3, 4), что позволяет точно определить их по классификации Е.Л. Гороховского (Гороховский 1988: 35) соответственно как Б3е и Б3д. Две другие фибулы вероятнее всего принадлежат к Б2б и Б3б (Кравченко и др. 2007: рис. 8: 6, 9) (рис. 3: 2: 2, 5).

Фибулы Б2б единично встречаются уже в фазе 2, преобладают в фазе 3, сохраняются в фазе 4 развития черняховских могильников украинской лесостепи. Фибулы Гороховский Б3 господствуют в фазе 4, встречаются они и в фазе 5 (Гороховский 1988: 44—45). Фаза 3 синхронизируется со ступенью С3, фаза 4 — со ступенью С3/Д1, фаза 5 — со ступенью Д1 системы Я. Тейрала (Tejral 1986: 183—212; 1992: 234—246; Гороховский 1988: 42—45).

В погр. 408 могильника Бырлад присутствуют бронзовая пряжка, миниатюрный гребень-подвеска и миска закрытого типа с овальными площадками по ребру (Palade 2004: fig. 242: 1, 2, 3). Пряжка, относящаяся к типу Гороховский ВЗв, имеет овальную рамку, полукруглую обойму (которая деформирована), язычок с окончанием, похожим на «хобот» (рис. 2: 3: 2). Такие пряжки характерны для 4 и 5 фаз по Е.Л. Гороховскому (Гороховский 1988: 42, 44—45). Гребни — подвески довольно редки в погребениях могильников культуры. Одно из таких изделий находилось совместно с бронзовой фибулой, имеющей вытянутую ромбическую ножку и сплошной приемник, в погребении 4/1937 на территории Киева (Каргер 1948: 250—251, рис. 5, 6). Такие фибулы относятся к группе I, типу 4, варианту 3 в классификации О.В. Петраускаса и датируются ступенью Д1 (Петраускас 2010: 196) или даже еще позднее, ступенью Д1-Д2 (Петраускас 2018: рис. 12: 4). Анализ закрытых комплексов из ареала культуры Черняхов/Сынтана де Муреш свидетельствует, что керамика с овальными площадками является хронологическим индикатором для периода конца IV — начала V вв. (Schultze, Strocen' 2008: 304).

В погр. 482 могильника Бырлад находилось две фибулы. Одна из них — двучленная

подвязная фибула с жаловидной ножкой группы 16 серии III А.К. Амброза (рис. 2: 5: 3). В общих границах они датированы IV в. или даже концом века (Амброз 1966: 69, табл. 12: 11). Две фибулы близкого типа («с ромбообразной ножкой») находилась в погребении 8 (Н)/1909 могильника «Городок Николаевка» совместно со стеклянным кубком группы Straume IB (Straume 1987: 28—30, Taf. 3) и многочастным роговым гребнем Никитина IB3 (Никитина 1969: рис. 1) (Ebert 1913: Abb. 96). Эти кубки по корреляционным группам закрытых комплексов синхронизируются с поздним отрезком ступени С3, маркируют переходной период от С3 к D 1, потенциально они могли существовать и на ступени D1 ибо сопровождающие их вещи характерны для этой ступени (Петраускас 2016: 98).

Другая фибула — двупластинчатая серебряная средних размеров с полукруглым верхним щитком, двупружинным узлом, с продолговатой ножкой, расширенной в нижней трети, декорированная кольцом из зерновой проволоки Амброз Iaa (Амброз 1966: 77) (рис. 2: 5: 4), характерна именно для фазы 5 (Гороховский 1988: 45).

Из погребения 182 могильника Тыргшор происходит подвязная фибула B36 (Diasconi 1965: pl. 113: 1) (рис. 3: 4: 2). Эти застежки преобладали в фазе 4, сохранялись и в фазе 5 (Гороховский 1988: 44—45). Находившаяся там же фибула со сплошным приемником, узкой ножкой и открытым приемником (Diasconi 1965: pl. 113: 2) (рис. 3: 4: 3), относится к типу 2 по классификации О.В. Петраускаса (Петраускас, 2010: 195, рис. 5: 2). Подобные фибулы датированы ступенями С3 и вероятно D 1 (Петраускас 2010: 195). Согласно Е.Л. Гороховскому, фибулы со сплошным приемником появляются в фазе 3, существуют в фазе 4 (Гороховский 1988: 44). Пряжка с округлой толстой калачиковидной рамкой из погребения относится к типу Гороховский ГЗв. Такие изделия преобладают в фазе 4 (Гороховский 1988: 44).

К датирующим вещам из погребения 183 могильника Войтенки относятся бронзовая фибула, заключающая в себе черты *Bügelknopffibel* и *Zwiebelknopffibel* (рис. 8: 5), и многочастный роговой гребень (рис. 8: 4). Нам не известны аналогии такой фибуле как на могильнике Войтенки, так и на других памятниках культуры⁷.

Согласно Е.Л. Гороховскому, *Bügelknopffibeln* появляются в фазе 3 (Гороховский 1988: 44). Гребень вероятно относится к типам Никитина III/1 или III/16 (Никитина 1969: рис. 1). В нашей системе хроноиндикаторов первого уровня гребень отнесен к XII 34/1a (Любичев 2019: часть 2: рис. 104). Такие гребни характерны для фаз «D» и «E» горизонта «классической» черняховской культуры в области днепро — донецкой лесостепи (Любичев 2019, ч. 2: 32—35). Погребение 183 Войтенков отнесено нами к фазе «E» (Любичев 2019: часть 2: 35), которая приблизительно синхронна фазе 5 Е.Л. Гороховского (Гороховский 1988: 45) и ступени D1 Я. Тейрала (Tejral 1986: 194, 197—198, 212; 1992: 237—238, 245, 246).

Таким образом, датируемые групповые погребения относятся к фазам 4 и 5 или ступеням С3/D1 и D1. Следовательно, имеющаяся выборка свидетельствует об их принадлежности к периоду развитой культуры и ее заключительного этапа. Но это не исключает вероятности присутствия групповых погребений на раннем этапе культуры, на ступенях С1_б, С2.

Социальный статус погребенных

Сами по себе определенные свойства и признаки черняховских погребений не могут рассматриваться как социальные. Их «социологичность» может быть раскрыта лишь в совокупности (Кравченко 1987: 210). В числе признаков, которые могут отражать социальные отличия является конструкция погребальных сооружений, обрядовый инвентарь и сам погребальный обряд. Инвентарь по своим функциям в погребениях-ингумациях распадается на: а) «приношения» (керамические и стеклянные сосуды, животная жертвенная пища) — ведущий социально значимый признак, играющий самостоятельную роль; б) предметы личного убранства, в качестве социально значимого признака выступающие лишь совместно с категорией А; в) предметы производственного назначения, которые уточняют социальный статус (Кравченко 1987: 210—212). На основании устойчивых сочетаний признаков, имеющих социологическую значимость, Н.М. Кравченко выделила три археолого-социологических типа (АСТ) погребений: АСТ1: 1—2 приношения, мо-

⁷ Из погребения — кремации 114 могильника Войтенки происходит фибула с элементами *Bügelknopffibel*

и *Zwiebelknopffibel* (Schultze, Lyubichev 2017: fig. 4: 1; 6), но она отличается от фибулы из погр. 183.

гут быть предметы личного убранства, погребальное сооружение — яма; АСТ 2: 3—6 приношений, предметы личного убранства — в большинстве погребений; погребальное сооружение — яма с заплечиками или уступом, яма с подбоем; АСТ 3: 9—16 приношений, предметы личного убранства — фактически во всех погребениях, погребальное сооружение — склеп, каменный ящик (Кравченко 1987: 219, 220). Погребения — ингумации северной ориентировки 98 Будешты и 27 Бырлад в ямах не имели инвентаря, потому их нельзя отнести даже к АСТ 1. Погребения 4 Деревяна и 182 Тыргшор принадлежат к АСТ 1, погребения 95 и 462 Бырлад относятся к АСТ 1 или АСТ 2. Это сомнение вызвано фактом отсутствия всего погребального инвентаря ввиду разрушения погребения в древности. К АСТ 2 принадлежат погребения 408 и 482 Бырлад. Возможно к нему относится также погребение 91 Романковцы: оно выполнено в яме с заплечиками, в нем отсутствует инвентарь, но оно ориентировано по оси Запад — Восток. Погребение 183 Войтенков относится к АСТ 3.

Если соотносить каждый АСТ со слоем общества, то следует заключить, что групповые погребения практиковались представителями всех слоев: от низшего (АСТ 1) до высшего (АСТ 3). В погребении 183 Войтенков о достаточно высоком социальном статусе погребенных свидетельствует наличие: 1) большой деревянной камеры; 2) керамического «питейного сервиза», включающего в том числе кувшин — графин с уникальным зооморфным орнаментом; 3) уникальной фибулы (возможно двух таких фибул); 4) остатков животной жертвенной пищи. Согласно Б.В. Магомедову, по наличию могильной ямы больших размеров и деревянной камеры, подобно погребениям германской знати в Центральной Европе, погребения на черняховских могильниках возможно относить к захоронениям знати (Магомедов 1997: 80).

О мотивации к совершению групповых погребений

Даже имеющаяся в нашем распоряжении выборка групповых погребений свидетельствует о том, что это явление нельзя признать массовым на могильниках культуры. Количество групповых погребений на конкретном могильнике отражает две реальности: археологическую (полностью ли исследован могильник и какова исследованная площадь?) и историческую (сколько было в реальности

совершено групповых погребений?). На могильниках, изученных полностью, или на подавляющей части их площади (Бырлад, Тыргшор) число групповых погребений колеблется от 5 до 15. Причем предметом нашего исследования в данной публикации не являются групповые погребения-кремации. К числу пяти «реальных групповых погребений» на могильнике Бырлад отнесены лишь ингумации. В число 15 парных погребений на могильнике Тыргшор включены 5 ингумаций и 10 кремаций (Niculescu 1993: 197, 214). На остальных, частично изученных могильниках, число «реальных» групповых погребений — ингумаций колеблется от одного до двух, но количество групповых погребений вообще может возрасти при соответствующем археологическом и антропологическом анализе погребений-кремаций (количество сосудов-урн, масса кальцинированных костей и их состав, погребальный инвентарь и т.д.).

Материалы имеющихся в нашем распоряжении групповых погребений не свидетельствуют о том, что второй (второй и третий) погребенный является жертвой, частью погребального инвентаря при совершении погребения одного индивида. Стоит согласиться с приведенным выше мнением, что «они отражают совместное депонирование остатков двух индивидов и связаны со случайной ситуацией — одновременной смертью индивидов или их кончиной в коротком промежутке времени» (Niculescu 1993: 198). Пол и возраст погребенных (мужчина и женщина, женщина и ребенок, взрослый и подростки) также свидетельствуют в пользу мотивации групповых погребений на могильниках культуры исключительно как результата одновременной смерти, болезни или эпидемий.

В других культурных образованиях римского времени также встречаются групповые погребения. В погр. 237 могильника Пятра Фрекацей (Piătra Frecăței) с элементами в том числе культуры Черняхов/Сынтана де Муреш, в положении вытянуто на спине находились два детских скелета (нижние конечности отсутствуют). В качестве инвентаря одного из погребенных находились серебряная фибула со сплошным приемником Schulze 144 (Schulze 1977: Taf. 10: 144), две бронзовых проволочных серьги (одна — с подвеской), ожерелье из различных бусин, стеклянная бусина. Керамический сосуд находился ближе к другому скелету (Аурелиан 1962: 573—574, fig. 9—10).

На могильнике вельбаркской культуры Прущ Гданьский, пункт 5 (Pruszcz Gdański, Fdst. 5) исследовано 7 групповых погребений (IV, VI из раскопок 1939 г., а также Grab 2A, B, Grab 4A, B, Grab 8A, B, Grab 12A, B, Grab 21A, B) (Pietrzak et al. 2008: 241—250, Abb. 2: A, B, 3—6). Все погребения отличаются различным положением погребенных относительно друг друга. Видна концентрация парных погребений на участке могильника. Не все погребения, относимые в публикации к групповым, могут считаться закрытыми комплексами — «реальными» групповыми. В комплексе Grab 4A, B погребение 4B было совершено раньше (Pietrzak et al. 2008: 244, Abb. 2: B), а в комплексе Grab 8A, B один из скелетов (скелет B) был уложен в уже существующее погребение в ненормальном положении: его нижние конечности подогнуты (Pietrzak et al. 2008: 244, 247, Abb. 3). В упомянутых погребениях присутствует следующее поло-возрастное сочетание погребенных: мужчина-женщина (Grab 4A, B), мужчина-мужчина (Grab 8A, B) девушка и женщина (Grab 12A, B), женщина и ребенок (Grab 21A, B).

Баевский могильник рассматривается как памятник вельбаркской культуры (Магомедов 2001: 199). В погребении 30 с Запада на Восток находились скелеты ребенка, взрослого мужчины, девушки, ребенка. В инвентаре девушки содержались бронзовая подвязная фибула, ожерелье из 60 бусин (Кухаренко 1975: 59, рис. 8: 7—9). На могильнике Площично (Płocisno) судавской культуры было изучено групповое погребение (Grab 1), относящееся к ступени C2. Обложенное камнями погребение по длинной оси ориентировано по оси Север — Юг, в его западной части находился скелет мужчины, в восточной — скелет женщины. К мужскому погребению относились две бронзовые монеты, две фибулы (мазурского типа и А. 98). К женскому погребению принадлежали 4 арбалетовидные подвязные фибулы с кольцевой гарнитурой (А. 167), бусы. К каждому погребению относились две пары манжетовидных браслетов, поясные гарнитуры, в погребении находились шейная гривна и нож (Nowakowski 2011).

Заключение

Явление групповых погребений имело место в том числе на могильниках культурных групп позднеримского времени европейского Барбарикума. Имеющаяся в нашем распоряжении выборка свидетельствует, что количество таких погребений колеблется на могильниках культуры Черняхов/Сынтана де Муреш от одного до 15 (включая на могильнике Тыргшор и парные погребения-кремации). Парные погребения-кремации не являются объектом нашего исследования, но они должны стать предметом отдельного изучения в будущем.

Несмотря на их наличие на могильниках в различных регионах ареала культуры (рис. 1), парные погребения не являются массовым явлением. Они не были совершены лишь в одной, присущей исключительно им погребальной конструкции. Соотношение погребальных конструкций этих захоронений (ямы, ямы с уступами и заплечиками, ямы с деревянными камерами, возможно и ямы с подбоями) сопоставимо с наличием таких конструкций на могильниках культуры при тотальном преобладании ям (Сымонович, Кравченко 1983: 20—26). Содержащийся в них погребальный инвентарь типичен для носителей культуры. Групповые погребения подвергались в древности разрушению также как и одинарные. Учет соотношения инвентаря и конструкций этих погребений позволяет утверждать, что в них погребены представители всех слоев общества — от низших до самых высших. Количество погребенных, их возраст и пол свидетельствуют, что второй/третий погребенный не выполнял роль сопровождающего инвентаря/жертвы для умершего члена общины. Мотивом к совершению таких погребений вероятнее всего являлась одновременная смерть двух/трех индивидов или их кончина в течении незначительного промежутка времени. Тема групповых погребений в культуре Черняхов/Сынтана де Муреш сохраняет свою актуальность с ростом базы источников.

Каталог групповых погребений на могильниках культуры Черняхов/Сынтана де Муреш

1. Бырлад-Валя Сякэ (Bîrlad-Valea Seacă),
жуд. Васлуи, Румыния

Погр. 27: скелеты взрослого и ребенка

Сохранность: скелет взрослого большей частью разрушен в древности, детский скелет не разрушен

Тип погребального сооружения: прямоугольная/овальная яма

Параметры (м): размеры 1,90×0,85, глубина 0,5

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: взрослый в западной части, ребёнок в восточной части, оба вытянуты, на спине (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: отсутствует

Литература: Palade 2004: 113, fig. 235.

Погр. 95: скелет взрослого и череп подростка

Сохранность: не разрушено

Тип погребального сооружения: яма с заплечками

Параметры (м): размеры 1,80×0,60, глубина 1,65

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: женщина вытянута на спине, рядом с ее черепом — череп подростка (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: ожерелье из стеклянных бус в области шеи женщины

Литература: Palade 2004: 115, fig. 171.

Погр. 408: скелеты взрослого и ребенка

Сохранность: скелет взрослого разрушен в древности, детский скелет не разрушен

Тип погребального сооружения: прямоугольная яма с уступом (ступенью)

Параметры (м): размеры 2,40×1,10, глубина 1,85

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: взрослый — в западной части, ребёнок — в восточной части, оба вытянуты, на спине (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: два железных ножа, бронзовая пряжка, две бронзовых иглы, стеклянная бусина, гребень-подвеска, кости животных, 3 лепных, 2 гончарных сосудов (2 горшка, 3 миски)

Литература: Palade 2004: 134, fig. 242.

Погр. 426: скелеты взрослого и подростка

Сохранность: разрушено

Тип погребального сооружения: яма с заплечками

Параметры (м): размеры 2,30×0,80 м, глубина 2,0

Ориентировка: ССВ-ЮЮЗ

Положение погребенных: кости находятся в южной части ямы (антроп. анализ отсутствует)

Инвентарь: бронзовая фибула, железная игла с костяным игольником, железный нож, части цепи из бронзовых колец, бронзовая подвеска, кости животных

Литература: Palade 2004: 125, fig. 248.

Погр. 462: скелеты двух взрослых (одна женщина?)

Сохранность: разрушено в древности, нижние конечности *in situ*

Тип погребального сооружения: прямоугольная/овальная яма

Параметры (м): размеры 1,9×0,75, глубина 1,96

Ориентировка: ССВ-ЮЮЗ

Положение погребенных: вытянуты на спине (?) (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: ожерелье из стеклянных бус, фрагменты двух гончарных, 4 лепных сосудов (3 вазы, 3 горшка)

Литература: Palade 2004: 137, fig. 253.

Погр. 482: скелеты взрослого и младенца

Сохранность: не разрушено

Тип погребального сооружения: прямоугольная яма

Параметры (м): размеры 1,90×1,70, глубина 1,30

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: взрослый вытянут на спине, рядом — скелет младенца (меньше года) (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: серебряная фибула, бронзовая фибула, стеклянные бусы (часть ожерелья), 3 гончарных сосуда (кувшин, горшки)

Литература: Palade 2004: 138, fig. 257.

2. Будешты (Budești), мун. Кишинев, Молдова

Погр. 94: скелеты двух детей

Сохранность: разрушено в древности

Тип погребального сооружения: прямоугольная/овальная яма

Параметры (м): глубина 0,6

Ориентировка: ?

Положение погребенных: ? (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: отсутствует

Литература: Рикман 1967: 71.

Погр. 98: скелеты двух взрослых

Сохранность: частично разрушено в древности, у одного скелета отсутствуют череп, грудная клетка, часть костей верхних конечностей

Тип погребального сооружения: прямоугольная/овальная яма

Параметры (м): глубина 1,05

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: вытянуты на спине (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: фрагменты лепной, гончарной керамики, сердоликовая бусина, вероятно происходит из трупосожжения

Литература: Рикман 1967: 59, рис. 12, 6.

3. Войтенки (Війтенки), Харьковская область, Украина

Погр. 183: скелеты двух взрослых, скелет мужчины (18—20 лет), скелет женщины (30—35 лет)

Сохранность: часть скелета жен. отсутствует

Тип погребального сооружения: яма со столбовыми ямами (остатки деревянной камеры)

Параметры (м): размеры 3,1 × 2,20—2,16, глубина 1,03—1,40

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: на левом боку, скорчены

Инвентарь: к скелету муж. относятся: бронзовая фибула, 7 гончарных сосудов (3 миски, 2 вазы, горшок, кувшин), 7 камней песчаника, к скелету жен. относятся: глиняное пряслице, бронзовая клюковидная булава, 5 гончарных сосудов (горшок, 3 миски, кувшин). В погребении также находились: роговой гребень, глиняное грузило ткацкого станка, позвоночная кость человека, кости животных

Отчет: Любичев и др. 2014: 3—56, рис. 243—259.

4. Данчены (Dănceni), мун. Кишинев, Молдова

Погр. 18: скелеты двух подростков

Сохранность: частично разрушено в древности

Тип погребального сооружения: яма, выше скелета «А» остатки деревянной конструкции

Параметры (м): размеры 1,60 × 50,5—0,8, глубина 1,6

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: 18 «А» — при повторном захоронении кости скелета попали вне антропологического порядка в южную часть ямы, 18 «Б» — скелет на левом боку в скорченном положении, диагональное расположение скелета внутри ямы (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: 18 «А» — лепной горшок, 18 «Б» — без инвентаря

Литература: Рафалович 1986: 32, табл. II: 2, XVIII: 3.

5. Деревяна, Киевская область, Украина

Погр. 4: скелеты взрослого и двух подростков

Сохранность: центральная часть прорезана ямой

Тип погребального сооружения: прямоугольная яма

Параметры (м): глубина 1, 2

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: скелет 1 (подросток, в западной части ямы) — вытянут, на спине, скелет 2 (взрослый, в центре ямы) — без черепа, вытянут на спине, скелет 3 (подросток, в восточной части ямы) — только нижние конечности, вытянут на спине (?), два черепа: на тазе скелета 1, на нижней конечности скелета 2 (антропологический анализ отсутствует).

Инвентарь: две пары бронзовых фибул, коралловые бусы, сосуд, у взрослого — парные фибулы и коралловые бусы, у скелета 1 — парные фибулы, в заполнении ямы — фрагменты вазы.

Литература: Кравченко и др. 2007: 332, рис. 8.

6. Каборга IV, Николаевская область, Украина

Погр. 8: скелеты двух взрослых

Сохранность: не разрушено

Тип погребального сооружения: яма с подбоем

Параметры (м): размеры: входная яма: 1,65 × 0,65, подбой: 1,55 × 0,5, глубина: подбой 0,85 м, входная яма: 0,58

Ориентировка: СВ-ЮЗ

Положение погребенных: скелеты вытянуты на спине, скелет 1 — в подбое, скелет 2 — на ступеньке подбоя (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: бронзовая фибула, фрагмент подбоя, серебряная подвеска, три железных подвески, роговой гребень, железный нож, три гончарных сосуда (2 миски, горшок), камни известняка (9 экз.)

Литература: Магомедов 1979: 37—39, табл. IX, 4—13.

7. Одая, Хмельницкая область, Украина

Погр. 4: скелет, 2 черепа, череп 1 — мужчина 35—45, череп 2 — мужчина 40 лет

Сохранность: разрушено, только отдельные кости нижних конечностей *in situ*

Тип погребального сооружения: яма с заплечиками

Параметры (м): размеры 2,55 × 1,5, глубина 2, 0

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: на спине, вытянуты (?)

Инвентарь: 6 гончарных сосудов (2 горшка, 3 миски, кувшин), железный нож, железные предметы, стеклянные и сердоликовые бусы (ожерелье), подвеска из раковины *Cyprea*, подвеска из основания оленьего рога, кости животных

Литература: Никитина 1996: 10—11, табл. 6, 7.

8. Оселивка, Черновицкая область, Украина

Погр. 9: скелет взрослого (30—40 лет) и ребенка

Сохранность: разрушено в древности, камни вgrabительской яме

Тип погребального сооружения: подпрямоугольная яма, к ее западной стенке примыкала другая яма (погр. 9а)

Параметры (м): размеры 1,85×1,10, глубина 1,45 (погр. 9); размеры 1,17×0,65, глубина 1,58 (погр. 9а)

Ориентировка: С-Ю (погр. 9), СЗ-ЮВ (погр. 9а)

Положение погребенных: кости смещены и смешаны, в центре и южной части ямы

Инвентарь: роговой гребень, бронзовая пряжка, стеклянная бусина, кости животных, фрагменты гончарной керамики (миска, горшок, кувшин)

Литература: Никитина 1988: 17, табл. 5А.

9. Романковцы, Черновицкая область, Украина

Погр. 91: скелеты двух взрослых

Сохранность: не разрушено, частично поврежден скелет 2

Тип погребального сооружения: яма с заплечиками неправильной в плане формы

Параметры (м): размеры 2,65×2,34, глубина 1,66

Ориентировка: З-В

Положение погребенных: скелеты параллельно, на спине, вытянуты, по массивности костей Г.Ф. Никитина предполагала, что южный скелет (1) — мужской, северный скелет (2) — женский (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: в заполнении ямы — сердоликовая бусина, кусок стекла, фрагмент стеклянного сосуда

Литература: Никитина 1996: 93, табл. 38.

10. Тыргшор (Țîrgșor), жуд. Прахова, Румыния

погр. 182: скелеты взрослого и ребенка

Сохранность: не разрушено, кости ребенка сохранились не полностью

Тип погребального сооружения: прямоугольная/овальная яма

Параметры (м): размеры 2,2×1,10, глубина 1,6

Ориентировка: С-Ю

Положение погребенных: вытянуты на спине (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: у взрослого — две бронзовые фибулы, бронзовая пряжка, бусина, у ребёнка — звенья цепи

Литература: Diaconu 1965: 65, Pl. 113: 1—5.

11. Фурмановка (Фурманівка), Одесская область, Украина

Погр. 23: скелеты взрослого и ребенка (5—6 лет)

Сохранность: разрушено в древности

Тип погребального сооружения: яма с подбоем

Параметры (м): размеры 1,8×1,4, глубина 1,37

Ориентировка: ССВ-ЮЮЗ

Положение погребенных: кости вне анатомического порядка в подбое и во входной яме (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: стеклянные бусы, две роговые пирамидальные подвески, фрагмент стеклянного сосуда, остатки яичной скорлупы, раковины морского моллюска (?), фрагменты 4 гончарных сосудов (3 миски, ваза)

Литература: Сымонович 1988: 158—159, рис. 13.

12. Червоное 2 (Червоне 2), Киевская область, Украина

Погр. 57 и 59: скелеты взрослого (57) и подростка (59)

Сохранность: целые, отсутствуют отдельные кости

Тип погребального сооружения: прямоугольная/овальная яма (?)

Параметры (м): размеры —?, глубина 1,33—1,52 (57), 1,21—1,35 (59)

Ориентировка: З-В

Положение погребенных: вытянуты на спине (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: погр. 57 — отсутствует, погр. 59 — две парных бронзовых фибулы, две стеклянные бусины, две стеклянные пронизи

Отчет: Петраускас и др. 2013: 11—12, рис. 21

13. Черняхов, Киевская область, Украина

Погр. 40—42: три скелета

Сохранность: не разрушено

Тип погребального сооружения: яма (?)

Параметры (м): глубина 2,0

Ориентировка: З-В

Положение погребенных: на небольшом расстоянии друг от друга (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: ?

Литература: Петров 1964: 75

Погр. 47 и 48: два скелета

Сохранность: не разрушено

Тип погребального сооружения: яма (?)

Параметры (м): глубина 1,40

Ориентировка: З-В

Положение погребенных: ? (антропологический анализ отсутствует)

Инвентарь: два сосуда

Литература: Петров 1964: 75.

Литература

- Амброз А. К. 1966. *Фибулы юга Европейской части СССР*. САИ Д1—30. Москва: Наука.
- Аурелиан П. 1962. Следы культуры Черняхов-Сынтана де Муреш в Малой Скифии. *Dacia* VI, 235—255.
- Гей О. А. 1993. Черняховская культура. История изучения. В: Русанова И. П., Сымонович Э. А. (отв. ред.). *Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э.* Москва: Наука, 123—129.
- Герета І. П. 2016. *Чернелево-Руський могильник*. Оіум 3. Київ; Тернопіль: ІА НАНУ.
- Геродот. 1972. *История в девяти книгах*. Ленинград: Наука.
- Гороховский Е. Л. 1988. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины. В: Баран В. Д. (отв. ред.). *Труды V Международного конгресса археологов-славистов*. Т. 4. Киев: Наукова думка, 34—46.
- Гудкова А. В. 1987. Могильник IV в. н. э. у с. Беленькое. В: Самойлова Т. Л. (ред.). *Новые исследования по археологии Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 56—66.
- Каргер М. К. 1948. К вопросу о древнейшей истории Киева. *СА X*, 235—254.
- Кравченко Н. М. 1987. О методике социологического анализа погребального обряда черняховской культуры. В: Генинг В. Ф. (отв. ред.). *Исследование социально-исторических проблем в археологии*. Киев: Наукова думка, 209—227.
- Кравченко и др. 2007: Кравченко Н. М., Петраускас О. В., Шишкин Р. Г., Петраускас А. В. 2007. *Памятники археологии позднеримского времени правобережной Киевщины*. Киев: КНТ.
- Кухаренко Ю. В. 1975. Байвський могильник. *Археологія* 18, 51—61.
- Любичев М. В. 2019. *Ранняя история днепро-днецкой лесостепи*. Части 1, 2. *Ostrogothica-Serie: Bände*. Bd. 3. Харьков: Естет-Принт.
- Любичев и др. 2008: Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г. 2009. *Отчет о работе Германославянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2008 году*. НА ИА НАНУ. 2008/92.
- Любичев и др. 2014: Любичев М. В., Мызгин К. В., Варачева К. Г., Шульцце Э. 2014. *Отчет о работе Германославянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина в 2013 г.* НА ИА НАНУ.
- Любичев М. В., Шульцце Э. (в печати). Групповое похоронения на могильнику черняхівської культури Війтенки.
- Магомедов Б. В. 1979. Каборга IV (раскопки 1973—1974 г.). В: Сымонович Э. А. (ред.). *Могильники черняховской культуры*. Москва: Наука, 24—62.
- Магомедов Б. В. 1997. Поховальні споруди як ознака соціального статусу в черняхівському суспільстві. В: Баран В. Д. (відп. ред.). *Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян*. Київ; Львів: РАС, 79—85.
- Магомедов Б. В. 1999. Черняховский могильник Курники на Южном Буге. *Stratum plus* (4), 102—120.
- Магомедов Б. 2001. *Черняховская культура. Проблема этноса*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Махно Є. В. 1971. Типи поховань та планування Компаніївського могильника. В: Шевченко Ф. П. (ред.). *Середні віки на Україні*. Т. 1. Київ: Наукова думка, 87—95.
- Некрасова А. Н. 2006. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья. В: Терпиловский Р. В. (ред.). *Готы и Рим*. Киев: ИД «Стилос», 87—200.
- Никитина Г. Ф. 1969. Гребни черняховской культуры. *СА* (1), 147—159.
- Никитина Г. Ф. 1985. *Систематика погребального обряда племен черняховской культуры*. Москва: Наука.
- Никитина Г. Ф. 1988. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой обл. В: Кропоткин В. В. (ред.). *Могильники черняховской культуры*. Москва: Наука, 5—97.
- Никитина Г. Ф. 1996. *Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии*. Москва: Наука.
- Никитина Г. Ф. 2008. *Черняховская культура Поднестровья (по результатам анализа археологических источников)*. Москва: Таус.
- Никитина Г. Ф. 2012. *База данных погребального обряда черняховской культуры*. Москва: ИА РАН.
- Петраускас О. В. 2002. Типи археологічних комплексів трупоспалень черняхівської культури (територія поширення, етнокультурні особливості та хронологія). *Археологія* (3), 40—65.
- Петраускас О. В. 2009. Час появи та деякі особливості розвитку трупопокладень із західною орієнтацією в черняхівській культурі. В: Мызгин К. (ред.). *Ostrogothica. Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и Эпохи Великого переселения народов*. Харьков: Тимченко А. Н., 186—215.
- Петраускас О. В. 2010. *Фибулы «войнского типа» черняхівської культури (за матеріалами пам'яток України)*. В: Козак Д. Н. (відп. ред.). *АДІУ 2*. Київ: ІА НАНУ, 191—207.
- Петраускас О. В. 2014. Разрушенные погребения на могильниках черняховской культуры Поднестровья: анализ археологической структуры. В: Івакін Г. Ю. (відп. ред.). *Від венеців до Русі*. Київ: ІА НАНУ, 125—152.
- Петраускас О. В. 2016. Складні посудини типу Еггерс/230 в черняхівській культурі: хронологічний аспект. В: Петраускас О. В., Гопкало О. В., Горбаненко С. А. (ред.). *Оіум. Черняхівська культура 5*. Київ: ІА НАНУ, 89—106.
- Петраускас О. В. 2018. Могильник та поселення черняхівської культури Велика Бугайка в системі старожитностей Середнього Подніпров'я. *Археологія* (2), 22—41.
- Петраускас и др. 2013: Петраускас О. В., Коваль А. А., Авраменко М. А. 2013. *Отчет о раскопках могильника черняховской культуры Червонэ-2 Ставицанского р-на Киевской обл. в 2012 г.* НА ИА НАНУ.
- Петров В. П. 1964. Черняховский могильник. *МИА* 116, 118—167.
- Ибн-Фадлан 1939: *Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу*. Пер. и комментарии под ред. И. Ю. Крачковского. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Рикман Э. А. 1964. Погребальные обряды Будештского могильника. В: Зеленчук В. С. (ред.). *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР*. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 106—131.
- Рикман Э. А. 1967. *Памятник эпохи Великого переселения народов. По раскопкам поселения и могильника черняховской культуры у села Будешты*. Кишинев: Картя Молдовеняскэ.
- Рикман Э. А. 1988. Раскопки могильника черняховского типа Балцаты II в 1963—1964 гг. В: Кропоткин В. В. (ред.). *Могильники черняховской культуры*

- туры. Москва: Наука, 111—132.
- Рафалович И. А. 1986. *Данчени. Могильник черняховской культуры*. Кишинев: Штиинца.
- Руснак В. В. 2020. Ингумации со скорченным положением костяка на могильниках черняховской культуры. В: Любичев М., Мизгин К. (ред.). *Ostrogothica-Serie: Bände*. Bd. 3: *Між Сходом та Заходом (Inter Orientem et Occidentem)*. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 80—108.
- Руснак В. В., Филатов Д. А. 2019. Опыт изучения разрушенных погребений (по материалам могильника черняховской культуры Войтенки 1). В: Петраускас О. В., Гопкало О. В., Горбаненко С. А. (ред.). *Старожитності варварських племен у першій половині I тис. н. е.* Oium 6. Київ: ІА НАНУ, 181—204.
- Сымонович Э. А. 1988. Придунайский могильник Фурмановка. В: Кропоткин В. В. (ред.). *Могильники черняховской культуры*. Москва: Наука, 143—163.
- Сымонович Э. А., Кравченко Н. М. 1983. *Погребальные обряды племен черняховской культуры*. САИ Д1—22. Москва: Наука.
- Федоров Г. Б. 1958. О двух обрядах погребения в черняховской культуре (по памятникам Молдавии). *СА* (3), 234—243.
- Хавлюк П. І. 1974. Заячівський могильник на Вінничині. *Археологія* 14, 62—72.
- Шульцте Э., Любичев М. В. 2018. Группа погребений-ингумаций в северо-западной части могильника черняховской культуры Войтенки: вопросы хронологии. В: Любичев М. В., Мызгин К. В. (ред.). *Ostrogothica-Serie: Hefte*. Вып. 3: *Хронология и монетные находки позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов. Актуальные археологические исследования в Центральной и Восточной Европе*. Материалы полевого семинара на базе экспедиции возле с. Войтенки 15—17 сентября 2016 г. Харьков: «Водный спектр Джи-Эм-Пи», 121—145.
- Caseltz P. 1981. Zur Sitte der Mehrfachbestattung in der Römischen Kaiserzeit. *Hamburger Beiträge zur Archäologie* VIII, 173—200.
- Diaconu Gh. 1965. *Tîrgșor. Necropola din secolele III—IV e. n.* București: Editura Academiei Republicii Populare Române.
- Ebert M. 1913. Ausgrabungen bei dem „Gorodok Nikolajewka“ am Dnepr, Gouv. Cherson. *Praehistorische Zeitschrift* 1—2, 80—113.
- Hegewisch M. 2018. Tierdarstellungen auf germanischer Keramik. Eine kurze Besprechung abgebildeter Tierarten. В: Любичев М. В., Мызгин К. В. (ред.). *Ostrogothica-Serie: Hefte*. Вып. 3: *Хронология и монетные находки позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов. Актуальные археологические исследования в Центральной и Восточной Европе*. Материалы полевого семинара на базе экспедиции возле с. Войтенки 15—17 сентября 2016 г. Харьков: «Водный спектр Джи-Эм-Пи», 146—181.
- Ljubičev M. V., Schultze E. 2018. Zur einer Grupper ungewöhnlicher Gräberfelder der Černjachov-Kultur. In: Niezabitowska-Wiśniewska B., Łuczkiwicz P., Sadowski S., Stasiak-Cyran M., Erdrich M. (red.). *Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*. T. 1. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 512—534.
- Mamalaucă M. 2018. *Descoperiri din perioada antichității târzii în podișul Central Moldovenesc*. Iași: Casa Editorială Demiurg.
- Niculescu Ch. Al. 1993. The Cremation Graves from the cemetery of Tîrgșor. *Dacia* XXXVII, 197—220.
- Nowakowski W. 2011. Das „Doppelgrab“ aus Płocznno bei Suwałki. Ein erster Analyseversuch. *Światowit* 2009—2010 VIII (XLIX)/B, 101—118, pl. 40—48.
- Palade V. 2004. *Așezarea și necropola de la Bârlad-Valea Seacă*. București: Editura ARC 2000.
- Pietrzak et al. 2008: Pietrzak M., Rożnowski F., Cymek L. 2008. Doppelkörpergräber in der Wielbark-Kultur am Beispiel des Gräberfeldes in Pruszcz Gdański, Fdst. 5. In: Niezabitowska-Wiśniewska B., Juściński M., Łuczkiwicz P., Sadowski S. (eds.). *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period II*. Lublin: Instytut Archeologii Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 241—253.
- Schultze E., Strocen' B. 2008. Keramik mit ovalen Facetten. Eine Untersuchung zur Chronologie der Černjachov-Kultur. *Eurasia antiqua* 14, 267—332.
- Schultze E., Lyubichev M. V. 2017. A Cremation Grave of the Chernyakhov Culture with Spurs and Knop Bow Fibula (Bügelknopffibel): Regional Context and Interregional Comparison. In: Matera M., Karasiewicz-Szczypiorski R. (eds.). *Światowit Supplement Series C: Pontica et Caucasia*, Vol. 1. *The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956—2013*. Warsaw: Institute of Archaeology, University of Warsaw, 277—294.
- Schultze et al. 2021: Schultze E., Daszkiewicz M., Schneider G., Schweigart F. 2021. Production and Distribution of Wheelmade Pottery in the Chernyakhov Culture: The Example of the Region around Vitenki. In: Meyer M. (ed.). *Approaching Economic Spaces. Methods and Interpretation in Archaeometric Ceramic Analysis*. Berlin: Edition Topoi, 201—223.
- Schulze M. 1977. *Die spätkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festem Nadelhalter (Gruppe Almgren VI, 2)*. Antiquitas 3. Bd. 19. Bonn: Habelt.
- Straume E. 1987. *Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr.* Oslo: Universitetsforlaget.
- Tejral J. 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der Späten Römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa. In: Godłowski K., Madyda-Legutko R. (Hrsg.). *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*. Kraków: Secesja, 227—248.

References

- Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly iuga evropeiskoi chasti SSSR (II v. do n. e. — IV v. n. e.) (Fibulae of the South of European Part of USSR (2nd Century BC — 4th Century AD))*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—30. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Aurelian, P. 1962. In *Dacia* VI, 235—255 (in Russian).
- Gei, O. A. 1993. In Rusanova, I. P., Symonovich, E. A. (eds.). *Slaviane i ikh sosedi v kontse I tysiacheletia do n. e. — pervoi polovine I tysiacheletia n. e. (Slavs and Their Neighbours in the Late I Millennium BC — First Half of I Millennium AD)*. Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR) 13. Moscow: "Nauka" Publ., 123—129 (in Russian).
- Hereta, I. P. 2016. *Chernelevo-Rus'kyj mohyl'nyk (The Cherneliv-Rus'kyj Burial Ground)*. Series: Oium 3. Kyiv; Ternopil': Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).
- Herodotus. 1972. *Istoriia v deviaty knigakh (The History)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Gorokhovskii, E. L. 1988. In Baran, V. D. (ed.). *Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa arkheologov-slavistov (Proceedings*

- of the 5th International Congress of Slavist Archaeologists) 4. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 34—46 (in Russian).
- Gudkova, A. V. 1987. In Samoilova, T. L. (ed.). *Novye issledovaniia po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia* (New Investigations into the Archaeology of Northern Pontic Region). Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 56—66 (in Russian).
- Karger, M. K. 1948. In *Sovetskaia Arkheologiia* (Soviet Archaeology) X, 235—254 (in Russian).
- Kravchenko, N. M. 1987. In Gening, V. F. (ed.). *Issledovanie sotsial'no-istoricheskikh problem v arkheologii* (Studies on Social and Historical Issues in Archaeology). Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 209—227 (in Russian).
- Kravchenko, N. M., Petrauskas, O. V., Shishkin, R. G., Petrauskas, A. V. 2007. *Pamiatniki arkheologii pozdnerimskogo vremeni pravoberezhnoi Kievshchiny* (Archaeological Sites from Late Roman Period in the Kiev Region on the Right Bank of Dnieper). Kyiv: "KNT" Publ. (in Russian).
- Kukhareno, Yu. V. 1975. In *Arkheolohiya* (Archaeology) 18, 51—61 (in Ukrainian).
- Liubichev, M. V. 2019. *Ranniaia istoriia dnepro-donetskoï lesostepi I—V vv.* (Early History of the Dnieper-Donets Forest-steppe in 1st—5th Centuries AD). Parts 1, 2. Ostrogothica-Serie: Bände. Bd. 3. Kharkov: "Estet-Print" Publ. (in Russian).
- Liubichev, M. V., Myzgin, K. V., Varacheva, K. G. 2009. *Otchet o rabote Germano-Slavianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta imeni V. N. Karazina v 2008 godu* (Report on Fieldworks of the German-Slavic Archaeological Expedition of the V. N. Karazin Kharkov National University in 2008). Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. 2008/92 (in Russian).
- Liubichev, M. V., Myzgin, K. V., Varacheva, K. G., Schultze, E. 2014. *Otchet o rabote Germano-Slavianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta imeni V. N. Karazina v 2013 g.* (Report on Fieldworks of the German-Slavic Archaeological Expedition of the V. N. Karazin Kharkov National University in 2013). Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
- Lyubychev, M. V., Schultze, E. (in print). *Hrupove pokhovannya na mohyl'nyku chernyakhivs'koi kul'tury Vijtenky* (Collective Burials in Vijtenky Cemetery of the Chernyakhov Culture) (in Ukrainian).
- Magomedov, B. V. 1979. In Symonovich, E. A. (ed.). *Mogil'niki cherniakhovskoi kul'tury* (Necropolises of Chernyakhov Culture). Moscow: "Nauka" Publ., 24—62 (in Russian).
- Mahomedov, B. V. 1997. In Baran, V. D. (ed.). *Problemy pokhodzhennya ta istorychnoho rozvytku slov'yan* (Issues of Origin and Historical Development of Slavs). Kyiv; Lviv: Rescue Archaeological Service Institute for Ukrainian Studies named after I. Kryp'yakevych, Ukraine National Academy of Sciences, 79—85 (in Ukrainian).
- Magomedov, B. V. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 102—120 (in Russian).
- Magomedov B. 2001. *Cherniakhovskaia kul'tura. Problema etnosa* (Chernyakhov Culture. The Problem of Ethnos). Series: Monumenta studia Gothica I. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej (in Russian).
- Makhno, Ye. V. 1971. In Shevchenko, F. P. (ed.). *Seredni viky na Ukraïni* (Middle Ages in Ukraine) 1. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 87—95 (in Ukrainian).
- Nekrasova, A. N. 2006. In Terpilovskii, R. V. (ed.). *Goty i Rim* (Goths and Rome). Kyiv: "Stilos" Publ., 87—200 (in Russian).
- Nikitina, G. F. 1969. In *Sovetskaia Arkheologiia* (Soviet Archaeology) (1), 147—159 (in Russian).
- Nikitina, G. F. 1985. *Sistematika pogrebal'nogo obriada plemen cherniakhovskoi kul'tury* (Systematics of Funerary Rite of the Cerneahov Culture Tribes). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Nikitina, G. F. 1988. In Kropotkin, V. V. (ed.). *Mogil'niki cherniakhovskoi kul'tury* (Burial Grounds of Chernyakhov Culture). Moscow: "Nauka" Publ., 5—97 (in Russian).
- Nikitina, G. F. 1996. *Mogil'niki cherniakhovskoi kul'tury v Severnoi Bukovine i Bessarabii* (Necropolises of Chernyakhov Culture in Northern Bukovina and Bessarabia). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Nikitina, G. F. 2008. *Cherniakhovskaia kul'tura Podnestrov'ia* (po rezul'tatam analiza arkheologicheskikh istochnikov) (The Chernyakhov Culture in the Dniester Basin: by Results of the Analysis of Archaeological Sources). Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).
- Nikitina, G. F. 2012. *Baza dannykh pogrebal'nogo obriada cherniakhovskoi kul'tury* (Database on the Funerary Rite of the Chernyakhov Culture). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Petrauskas, O. V. 2002. In *Arkheolohiya* (Archaeology) (3), 40—65 (in Ukrainian).
- Petrauskas, O. V. 2009. In Myzgin, K. (ed.). *Ostrogothica. Arkheologiia Tsentral'noi i Vostочноi Evropy pozdnerimskogo vremeni i epokhi Velikogo pereseleniia narodov* (Ostrogothica. Archaeology of Central and Eastern Europe in the Late Roman Time and the Epoch of Great Migrations). Kharkov: "Tymchenko A. N." Publ., 186—215 (in Ukrainian).
- Petrauskas, O. V. 2010. In Kozak, D. N. (ed.). *Arkheolohiya i davnia istoriya Ukraïny* (Archaeology and Ancient History of Ukraine) 2. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 191—207 (in Ukrainian).
- Petrauskas, O. V. 2014. In Ivakin, H. Yu. (ed.). *Vid venediv do Rusi. Zbirnyk naukovykh prats' na poshanu doktora istorychnykh nauk, profesora Denysa Nykodymovycha Kozaka z nahody joho 70-littya* (From Veneti to Rus: Collected Papers to the 70th Anniversary of Professor Denis Kozak). Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 125—152 (in Russian).
- Petrauskas, O. V. 2016. In Petrauskas, O. V., Hopkalo, O. V., Horbatenko, S. A. (eds.). *Oium. Chernyakhivs'ka kul'tura* (Oium: the Chernyakhov Culture) 5. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 89—106 (in Ukrainian).
- Petrauskas, O. V. 2018. In *Arkheolohiya* (Archaeology) (2), 22—41 (in Ukrainian).
- Petrauskas, O. V., Koval', A. A., Avramenko, M. A. 2013. *Otchet o raskopkakh mogil'nika cherniakhovskoi kul'tury Chervone-2 Stavishchanskogo r-na Kievskoi obl. v 2012 g.* (Report on Excavations of the Chervone-2 Burial Ground of the Chernyakhov Culture, Stavyshe District, Kyiv Oblast, in 2012). Scientific Archive of the Institute for Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
- Petrov, V. P. 1964. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii* (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 116, 118—167 (in Russian).
- Ibn-Fadlan 1939: Krachkovskii, I. Yu. (ed.). 1939. *Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu* (Ibn-Fadlan's Journey to the Volga). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Rikman, E. A. 1964. In Zelenchuk, V. S. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii i etnografii Moldavskoi SSR* (Materials and Investigations on the Archaeology and Ethnography of Moldavian SSR). Kishinev: "Cartea Moldovenească" Publ., 106—131 (in Russian).
- Rikman, E. A. 1967. *Pamiatnik epokhi Velikogo pereseleniia narodov. Po raskopkam poseleniia i mogil'nika cherniakhovskoi kul'tury u sela Budeshty* (A Site of the Great Migration Period: according to the Excavations of the Chernyakhov Culture Settlement and Burial Ground near Budești). Kishinev: "Cartea Moldovenească" Publ. (in Russian).
- Rikman, E. A. 1988. In Kropotkin, V. V. (ed.). *Mogil'niki cherniakhovskoi kul'tury* (Burial Grounds of Chernyakhov Culture). Moscow: "Nauka" Publ., 111—132 (in Russian).
- Rafalovich, I. A. 1986. *Dancheny. Mogil'nik cherniakhovskoi kul'tury III—IV vv. n. e.* (Dancheny. a Cemetery of Chernyakhov Culture from 3rd—4th Centuries AD). Kishinev: "Știința" Publ. (in Russian).
- Rusnak, V. V. 2020. In Lyubychev, M., Myzgin, K. (eds.). *Mizh Shkodom ta Zakhodom* (Inter Orientem et Occidentem). Ostrogothica-Serie: Bände. Bd. 3. Kharkiv: Kharkov National University named after V. N. Karazin, 80—108 (in Russian).

- Rusnak, V.V., Filatov, D.A. 2019. In Petruskas, O.V., Hopkalo, O.V., Horbanenko, S.A. (eds.). *Starozhytnosti varv's'kykh plemen u pershij polovyni I tys. n. e. (Antiquities of Barbarian Tribes in First Half of the 1st Millennium AD)*. Series: Oium 6. Kyiv: Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, 181—204 (in Russian).
- Symonovich, E.A. 1988. In Kropotkin, V.V. (ed.). *Mogil'niki cherniakhovskoi kul'tury (Burial Grounds of Chernyakhov Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 143—163 (in Russian).
- Symonovich, E.A., Kravchenko, N.M. 1983. *Pogrebal'nye obriady plemen cherniakhovskoi kul'tury (Burial Rites of Chernyakhov Culture Tribes)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—22. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Fedorov, G.B. 1958. In *Sovetskaja Arkheologija (Soviet Archaeology)* (3), 234—243 (in Russian).
- Khavlyuk, P.I. 1974. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 14, 62—72 (in Ukrainian).
- Schultze, E., Liubichev, M.V. 2018. In Liubichev, M.V., Myzgin, K.V. (eds.). *Khronologija i monetnye nakhodki pozdnerimskogo vremeni i epokhi Velikogo pereseleniia narodov. Aktual'nye arkheologicheskie issledovaniia v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope (Chronology and Coin Finds of the Late Roman Time and Great Migration Period: Current Archaeological Studies in Central and Eastern Europe)*. Series: Ostrogothica-Serie: Hefte. Issue 3. Kharkov: "Vodnyi spektr Dzhi-Em-Pi" Publ., 121—145 (in Russian).
- Caseltz, P. 1981. Zur Sitte der Mehrfachbestattung in der Römischen Kaiserzeit. *Hamburger Beiträge zur Archäologie* VIII, 173—200.
- Diaconu, Gh. 1965. *Țirgșor. Necropola din secolele III—IV e.n.* București: Editura Academiei Republicii Populare Române.
- Ebert, M. 1913. Ausgrabungen bei dem „Gorodok Nikolajewka“ am Dnepr, Gouv. Cherson. *Praehistorische Zeitschrift* 1—2, 80—113.
- Hegewisch, M. 2018. Tierdarstellungen auf germanischer Keramik. Eine kurze Besprechung abgebildeter Tierarten. V: Liubichev, M.V., Myzgin, K.V. (eds.). *Khronologija i monetnye nakhodki pozdnerimskogo vremeni i epokhi Velikogo pereseleniia narodov. Aktual'nye arkheologicheskie issledovaniia v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope (Chronology and Coin Finds of the Late Roman Time and Great Migration Period: Current Archaeological Studies in Central and Eastern Europe)*. Series: Ostrogothica-Serie: Hefte. Issue 3. Kharkov: "Vodnyi spektr Dzhi-Em-Pi" Publ., 146—181.
- Ljubichev, M.V., Schultze, E. 2018. Zur einer Grupper ungewöhnlicher Gräberfelder der Černjachov-Kultur. In Niezabitowska-Wiśniewska B., Łuczkiwicz P., Sadowski S., Stasiak-Cyran M., Erdrich M. (red.). *Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*. T.1. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 512—534.
- Mamalaucă, M. 2018. *Descoperiri din perioada antichității târzii în podișul Central Moldovenesc*. Iași: Casa Editorială Demiurg.
- Niculescu Ch. Al. 1993. The Cremation Graves from the cemetery of Țirgșor. *Dacia* XXXVII, 197—220.
- Nowakowski W. 2011. Das „Doppelgrab“ aus Płociczno bei Suwałki. Ein erster Analyseversuch. *Światowit* 2009—2010 VIII (XLIX)/B, 101—118, pl. 40—48.
- Palade V. 2004. *Așezarea și necropola de la Bârlad-Valea Seacă*. București: Editura ARC 2000.
- Pietrzak M., Rożnowski F., Cymek L. 2008. Doppelkörpergräber in der Wielbark-Kultur am Beispiel des Gräberfeldes in Pruszcz Gdański, Fdst. 5. In Niezabitowska-Wiśniewska B., Juściński M., Łuczkiwicz P., Sadowski S. (eds.). *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period II*. Lublin: Instytut Archeologii Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 241—253.
- Schultze E., Strocen' B. 2008. Keramik mit ovalen Facetten. Eine Untersuchung zur Chronologie der Černjachov-Kultur. *Eurasia antiqua* 14, 267—332.
- Schultze E., Lyubichev, M.V. 2017. A Cremation Grave of the Chernyakhov Culture with Spurs and Knop Bow Fibula (Bügelknopffibel): Regional Context and Interregional Comparison. In Matera M., Karasiewicz-Szczypiorski R. (eds.). *Światowit Supplement Series C: Pontica et Caucasica*, Vol.1. *The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956—2013*. Warsaw: Institute of Archaeology, University of Warsaw, 277—294.
- Schultze E., Daszkiewicz M., Schneider G., Schweigart F. 2021. Production and Distribution of Wheelmade Pottery in the Chernyakhov Culture: The Example of the Region around Voitenki. In Meyer M. (ed.). *Approaching Economic Spaces. Methods and Interpretation in Archeometric Ceramic Analysis*. Berlin: Edition Topoi, 201—223.
- Schulze M. 1977. *Die spätkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festem Nadelhalter (Gruppe Almgren VI, 2)*. Antiquitas 3. Bd. 19. Bonn: Habelt.
- Straume E. 1987. *Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr.* Oslo: Universitetsforlaget.
- Tejral J. 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der Späten Römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa. In Godłowski K., Madyda-Legutko R. (Hrsg.). *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*. Kraków: Secesja, 227—248.

Статья поступила в сборник 1 июня 2022 г.

Mihail Lyubichev (Kharkiv, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. V. N. Karazin Kharkiv National University¹.

Любичев Михаил Васильевич (Харьков, Украина). Доктор исторических наук. Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина.

E-mail: gsae@karazin.ua

Erdmute Schultze (Berlin, Germany). Doctor. Eurasian Department of the Germany Archaeological Institut².

Шультце Эрдмуте (Берлин, Германия). Доктор. Евразийский отдел Германского археологического института.

E-mail: Erdmute.Schultze@dainst.de

Addresses: ¹ Svobody Place, 6, Kharkiv, 61022, Ukraine; ² Im Dol 2-6, 14195, Berlin, Germany

Список сокращений

АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
АДГУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДУ	— Археологічні дослідження на Україні. Київ.
АИАПМЗ	— Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Азов.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України, Полтава.
АлтГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт-Петербург.
АЭМК	— Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола.
БГУ	— Белорусский государственный университет. Минск.
БСЭ ²	— Большая советская энциклопедия, 2-е издание. 51 т. Москва: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1950—1960.
БФ	— благотворительный фонд.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ГАЗ	— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
ГИАМЗ ХТ	— Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМВ	— Государственный Музей Востока. Москва.
ГМЗ	— государственный музей-заповедник.
ГУ	— государственный университет.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР. Москва.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАК	— Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАК КФУ	— Институт археологии Крыма Крымского федерального университета. Симферополь.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Академии Наук.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИЭ	— Советская историческая энциклопедия. 16 т. Москва.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
ІКЗ «Більськ»	— Историко-культурный заповідник «Більськ». Котельва.
КГИАМЗ	— Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник. Краснодар.
КГОМА	— Курский государственный областной музей археологии. Курск.
кол. вкл.	— кольорова вклейка.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук. Москва.
КСИАУ	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР. Киев.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград/Санкт-Петербург.
КСТ	— Культовое святилище Таракташ.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
КФ ІА НАНУ	— Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
ЛО ІА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР. Ленинград.
МАИКЦА	— Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Симферополь.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МФТИ	— Московский физико-технический институт. Москва.
НА ІА НАНУ	— Научный архив Института археологии НАН Украины. Киев.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.

НАН	— Национальная Академия наук.
НАО	— Научное археологическое общество.
НАО	— научно-архивный отдел.
НИЦИАК КФУ	— Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета. Симферополь.
ОАК	— Отчет Императорской Археологической Комиссии. Санкт-Петербург.
ОКН	— объект культурного наследия.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РСМ	— Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СГУ	— Саратовский государственный университет. Саратов.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СУАР	— Сынъцзян-Уйгурский автономный район.
СЭ	— Советская этнография. Москва.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург.
ТНИИЯЛИ	— Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Кызыл.
ТОВ	— Товариство з обмеженою відповідальністю.
ХАЭЭ	— Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ХГУ	— Харьковский государственный университет. Харьков.
ЦАИ БФ	— Центр археологических исследований Благотворительного фонда.
ЦП НАНУ і УТОПІК	— Центр пам'яткознавства Національної академії наук України і Українського Товариства охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ЮНЦ	— Южный научный центр Российской академии наук. Ростов-на-Дону.
BAR	— British Archaeological Reports. Oxford.
BAR IS	— British Archaeological Reports, International Series. Oxford.
DictMidAges	— Strayer J. (ed.). Dictionary of the Middle Ages. NY: Charles Scribner's Sons, 1982—1989. Vol. 1—13.
DNP	— Cancik H., Schneider H., Egger B., Derlien J. und andere (Hrsg.). Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike. 16 Bände (in 19 Teilbänden sowie 6 Supplementbänden). Stuttgart/Weimar: Metzler, 1996—2010.
KIP	— Ziegler K., Sontheimer W. (Hrg.): Der Kleine Pauly, Lexikon der Antike (in 5 Bänden) auf der Grundlage von Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft unter Mitwirkung zahlreicher Fachgelehrter. München: dtv, 1979.
LAW	— Lexikon der alten Welt. Zürich, Stuttgart: Artemis, 1965.
LexMA	— Lexikon des Mittelalters. 10 Bände. Artemis, München/Zürich/Lachen am Zürichsee). 1977—1999; Neudruck (in 9 Bänden): Stuttgart/Weimar 1999.
ODByz	— Kazhdan A. (ed.) The Oxford Dictionary of Byzantium. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. 3 vol.
RE	— Ziegler K. (Hrsg.): Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neubearbeitung, begonnen von G. Wissowa, fortgeführt von W. Groll und K. Mittelhaus. Stuttgart 1894—1963 (1. Reihe I—XXIX), 1914—1972 (2. Reihe I—X) und 1912—1978 (Supplementbände), Register von H. Gärtner und A. Wünsch. München 1980.
RGA	— Jankuhn H., Beck H., Kuhn H., Ranke K., Wenskus R. (Hrsg.). Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. 35 Bände. Berlin; New York: De Gruyter, 1968—2007.
RGZM	— Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz.
SH	— The State Hermitage museum. Saint Petersburg.
SMP TC	— The State museum-preserve "Tauric Chersonesus". Sevastopol.
UMCS	— Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin.